
Когда
ты стал
родным
Нина Дерн
18+

Нина Дерн

Когда ты стал родным

«Автор»
2026

Дерн Н.

Когда ты стал родным / Н. Дерн — «Автор», 2026

Не всякая любовь приходит внезапно. Порой чтобы распознать "того самого" нужно больше времени.Так произошло с Кирой. Брак не ради любви, а всего лишь сделка и шанс сбежать от холодного отца и алчной мачехи. Все, чтобы покинуть дом, где она никому не нужна.Только Кира еще не знает, что для мужа все совсем иначеЭта красивая, камерная история о зарождении настоящей, неподдельной любви. Любви через преодоление различий, предубеждений и опасности. Когда человек, который долго был чужим, становится... родным.

© Дерн Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 20
Глава 3 30
Глава 4 39
Глава 5 51
Глава 6 60
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Нина Дерн
Когда ты стал родным

Пролог

«Господи, что я здесь делаю?» – думала Кира, продолжая улыбаться бесконечному потоку гостей, которые спешили поздравить ее.

Свадьба.

Этот день должен был стать самым счастливым в ее жизни, а ей хотелось провалиться сквозь землю. Исчезнуть. Навсегда. Даже если дорога будет одна – в ад.

Новоиспеченный муж, Гаяр Сафин, стоял рядом, держал ее за руку и криво улыбался, выслушивая длинную поздравительную речь. Кира хотела вырваться, но он словно чувствовал ее напряжение и сжимал сильнее.

Она украдкой поглядывала на супруга. Молодой, высокий, статный, темноволосый, одетый в элегантный черный костюм, сшитый на заказ. Лаковые ботинки сверкали так, что в них можно было увидеть собственное отражение. А в карих глазах – пустота. Он – сын нефтяного магната. Она – дочь крупного бизнесмена в сфере нефтехимии. Это был не просто союз – слияние капиталов.

– Гаяр, прости, – тихо прошептала Кира ему на ухо. – Я устала. Хочу присесть.

– Стой, где стоишь, Кира, – процедил он сквозь зубы. – И сделай лицо попроще. А то потом все родственники будут задавать вопросы.

– Мы стоим тут уже целый час. У меня болят ноги.

– И что? Я не заставлял тебя покупать туфли на высоких каблуках, – иронично заметил он.

– Единственное, что меня... Тетя Мила, – Кира не договорила и повернулась к слегка полноватой, но миловидной женщине, затянутой в черное шелковое платье с крупными маками. «Как гусеница», – подумала она, подставляя щеку под звонкий поцелуй.

– Кирочка, ты такая красивая! – воскликнула Людмила Семеновна, мамина сестра. – Жаль, что Лидочка не видит этого... – по нарумяненным щекам покатились слезы.

– Тетя, – Кира обняла ее. – Не плачь. Иначе я тоже расплачусь.

– Ох, ты права, дорогая. У тебя сегодня такой день! А я сырость развожу. А это твой муж? – Людмила Семеновна повернулась к Гаяру. Он машинально подставил щеку для очередного родственного поцелуя.

– Очень приятно с вами познакомиться, – слащаво проговорил он, но по выражению лица было понятно – ему НЕприятно.

Поток желающих лично поздравить молодоженов постепенно иссяк. Коробка с конвертами заполнилась до краев. Кира передала последний букет помощникам и прошла вслед за Гаяром к столу.

В центр зала вышел ведущий в модном приталенном костюме и несуразных красных лоферах. Шоу начиналось.

Кира поморщилась, представив, что сейчас гости рассядутся, выпьют и начнется бесконечный поток тостов и выкриков «Горько!». Публичные поцелуи совсем не доставляли радости. А может, она просто целует не того человека? Сердце пропустило удар. Да уж, не так Кира представляла себе историю «про долго и счастливо». «Долго» – да, но вот счастливо ли?

Они с Гаяром были знакомы всего ничего – пять месяцев. Предложение свалилось как снег на голову. Кира долго обдумывала его. Отец, Василий Ланской, настаивал на слиянии своего бизнеса с империей Сафиных. Коренастый, с сединой на висках и тяжелым взглядом

исподлобья, он давно уже перестал быть тем отцом, который когда-то катал ее на плечах и щекотал пяточки. Для него брак – равно сделка. Мачеха, Жанна, мечтала избавиться от падчерицы. Они давили, не оставляя выбора. Атмосфера дома накалилась до предела. И Кира сдалась.

Согласилась, чтобы сбежать. Сбежать от вечных придирок, от холодных стен отчего дома, от чувства, что она никому не нужна. Пусть этот брак – не любовь, пусть муж – чужой человек, но она хоть кому-то будет нужна. Хотя бы формально.

Папа улыбнулся ей со своего места и поднял стакан с виски.

– За тебя, дочка! – донесся низкий, чуть с хрипотцой голос.

Кира выдавила из себя очередную улыбку и подняла бокал с шампанским в ответ.

– Ты счастлива? – тихо спросил Гаяр. Его рука скользнула по ее плечу.

– Безусловно, – она постаралась улыбнуться как можно естественнее.

– Впереди у нас первая брачная ночь, – мечтательно проговорил он.

– Жду с нетерпением...

К их столу, обходя гостей, скользила красивая блондинка с короткой стрижкой в дорогом шелковом платье цвета стали. Жанна. Бриллиантовое колье на ее тощей шее сверкало так же холодно, как и улыбка. «Фамильные драгоценности Ланских, – с горечью подумала Кира. – Мама бы перевернулась в гробу, увидев, НА КОМ они теперь».

Людям, которые мало знакомы с ее мачехой, могло показаться, что та очень приятная женщина. Только это всего лишь маска. «Скорпиониха», – мысленно выругалась Кира.

– Все в порядке? – тихо спросила Жанна.

– Все замечательно, Жанна Дмитриевна. Организаторы, рекомендованные вами, постарались на славу, – Гаяр поцеловал ее руку. – Вы прекрасно выглядите.

– А где твои родители, дорогой? – Жанна с недоумением обвела взглядом всех присутствующих.

– В Сингапуре нелетная погода. Самолет задержали. Они только вылетели, – спокойно ответил он.

– Мне так жаль. Почему ты не предупредила? – мачеха недовольно посмотрела на Киру своими зелеными глазами, отчего та поежилась.

– Прости. Такая суматоха... – Кира одарила ее своей фирменной улыбкой «послушной девочки».

– Ладно. Посмотрят на видео. Не зря же мы заплатили такую неприличную сумму видеографу, – Жанна поправила колье и удалилась общаться с другими гостями.

Щеки Киры запылали и стали такими же огненными, как и волосы. Она сжала белую плотную салфетку. Объемные инициалы «Г&К», вышитые толстыми золотыми нитками, отпечатались на коже.

– Она тебя ненавидит, – почти беззвучно произнес Гаяр, наклонившись к уху Киры. Его губы коснулись ее мочки, создавая иллюзию счастливой пары для окружающих.

– Кто? Жанна? – она изобразила легкое удивление.

– Не прикидывайся. Ты знаешь, о чем я. Она всего лишь вторая жена. А ты наследница империи. Она никогда не станет Ланской, а ты ею родилась.

– Это не имеет значения, – раздраженно ответила Кира. – Папа любит ее.

– Ты ошибаешься, любимая, – продолжил Гаяр, кивая кому-то в зале. – Твой папа любит власть. Так же, как и мой. Они никого не любят. Мы лишь шестеренки в огромной машине бизнеса.

Она исподлобья посмотрела на него. На языке уже вертелись колкие слова, но гости заставили проглотить их.

– Горько! – разнеслось по залу. – Горько! Го-о-о-рько!

Ведущий замолчал и вопросительно посмотрел на молодых супругов. Гаяр чуть заметно кивнул и поднялся, вытягивая за собой Киру. Он обнял ее за талию и на секунду задержался, всматриваясь в широко распахнутые янтарные глаза. А потом прильнул к ее губам, обдавая жаром и коньячным дыханием. Он не просто целовал ее, а ставил печать. Как в брачном договоре накануне вечером.

– Раз! Два! Три! – хором считали гости.

Наконец Гаяр отпустил ее и взял бокал с коньяком.

– Можно было и понежнее, – прошептала Кира горящими губами.

– Можно было, извини, – холодно ответил он, делая большой глоток.

– А теперь, дорогие гости, самый романтический момент этого вечера! Первый танец молодых! – объявил ведущий.

По залу прокатился одобрительный гул и аплодисменты. Все смотрели на них. Кира почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Ей хотелось одного – спрятаться под стол и не видеть никого.

– Пошли, – Гаяр протянул ей руку. Его голос звучал мягко, но слишком требовательно. – Зря, что ли, репетировали медленный вальс. Черт бы его побрал.

Заиграла музыка – помпезная, вычурная, выбранная организаторами и Жанной. Кира механически повторяла движения, стараясь не думать о том, что между их телами не было места даже воздуху.

Она посмотрела ему в глаза. В них не было любви – только удовлетворение от того, что ситуация под контролем. Кира заставила себя улыбнуться. Она видела, как одобрительно кивает папа. Жанна что-то нашептывала ему на ухо, но все равно следила за ними. Регина, младшая сестра, внимательно вслушивалась в разговор взрослых, поправляя черные, как смола, волосы. Девочке всего двенадцать, а яду хватит, чтобы отравить добрую половину гостей.

Музыка постепенно стихла. Гаяр остановился и впился в ее губы снова на радость публике.

– Умница, – шепнул он, когда они уже шли к столу. – Ты прекрасно держишься.

– Разве у меня есть выбор? – иронично проговорила Кира.

– Выбор есть всегда, – философски изрек Сафин. – Правда, иногда цена за него слишком высока. Помни об этом, любимая.

Кира вздохнула и опустилась на стул. «Это не брак по любви. Это сделка. И правила тут свои: или выживешь, став циничной и жесткой, или тебя растерзают стервятники», – пульсировало в висках.

Вечер постепенно близился к концу. Территория загородного отеля погружалась во мрак. Гости уже изрядно напились. Кто-то выплясывал на танцполе, кто-то дремал на своем месте.

Жанна перемещалась между столами, словно темная тень с хищной полуулыбкой. Папа влил в себя полбутылки коньяка и теперь клевал носом над тарелкой. «Тебе же нельзя столько пить!» – сетовала Кира про себя.

– Пора, – шепнул Гаяр. – Уйдем незаметно. Не хочу застрять тут до утра, прощаясь со всеми.

– Уже? – Кира старалась говорить спокойно, но голос все равно предательски дрогнул.

– Хватит зрелищ. Все-таки это наш день.

Она промолчала, но внутри все сжалось в комок.

Первая брачная ночь.

С ним. С мужем.

«Господи, за что мне все это?» – спрашивала саму себя снова и снова.

Они вышли на улицу. Кира шла по влажной каменной дорожке в сторону жилого корпуса и дрожала.

Фойе. Лифт. Коридор. Дверь в президентский люкс открылась со щелчком, прозвучавшим для нее как выстрел.

– Нервничаешь? – спросил Гаяр, пропуская ее вперед. – Боишься меня?

– Нет, – Кира вскинула подбородок и перешагнула порог.

Она прошла по серому ковролину к кровати и стянула фату. Легкая органза белым облаком легла на пол. Сафин небрежно кинул пиджак туда же. Потом расстегнул рубашку, сделал шаг ближе и коснулся ее плеча.

– Ты очень красивая, – в его голосе прозвучали теплые нотки. – Знаешь, я ведь не просто так сделал тебе предложение и согласился на этот брак.

– Твой отец тоже хотел слияния бизнеса, – сухо ответила Кира.

– Мой отец – да, – Гаяр убрал выбившуюся прядь с ее лица. – А я... Впервые увидев тебя, понял, что пропал. Помнишь благотворительный вечер? Ты стояла у окна, смотрела на сад и улыбалась. Я тогда подумал: хочу, чтобы она была моей.

Кира замерла. Его слова звучали слишком искренне для человека, которого она считала холодным расчетливым бизнесменом.

Гаяр бережно провел тыльной стороной ладони по ее лицу. Потом осторожно вынул шпильки из ее прически и наблюдал, как медный водопад крупными локонами рассыпался по плечам.

– Ты ведь не любишь меня, так? – его голос прозвучал как траурный перезвон.

– Это не имеет никакого значения, Гаяр. Я же согласилась стать твоей женой.

– Ты понимаешь, что красивым росчерком это не закончится? – он провел большим пальцем по ее губам.

– Понимаю, – Кира подняла голову и посмотрела на него.

Его пальцы заскользили по ее спине, медленно расстегивая молнию корсета. Атласные доспехи сползали вниз. Сафин резко дернул – и вот ткань уже съехала по ногам. Губами коснулся ее шеи.

– Посмотри на меня, – попросил он. – Еще раз.

Кира послушно подняла голову. В его взгляде больше не читалась холодная отстраненность. Что-то другое, голодное и пугающее, но... теплое.

– Доверься мне, – прошептал Гаяр. – Не бойся, я не обижу тебя.

– Довериться? – она горько усмехнулась.

– Да. Я не монстр.

– Не уверена.

– Думай, как хочешь, – он подошел ближе.

Кира задрожала и хотела отступить, но ноги будто залили бетоном. Мысли витали в голове, как испуганные птицы.

– Я не враг тебе, – повторил Гаяр и замер.

Кира заметила, как изменилось его дыхание – стало глубже, медленнее. Он смотрел на нее будто впервые. И в его взгляде больше не было расчета. Только живой, неподдельный интерес.

Гаяр опрокинул ее на кровать, вдавливая своим весом в матрас. Неотвратимость накрыла ледяной, безжалостной волной. Сердце замирало каждый раз, когда она чувствовала его...

«Раз. Два. Три. Девочка, дыши», – выдохнула Кира и закрыла глаза. Вместе с выдохом ушла паника. Сафин прав. Нужно постараться привыкнуть к новому миру. Иначе она сойдет с ума.

А любовь – это так, сказки для наивных девочек. Кроме мамы, она никому не была нужна. А мамы больше нет. И любви нет. Только суровая реальность. И зовут ее Гаяр Азатович Сафин.

Глава 1

Два года спустя...

Кира недовольно окинула взглядом набросок.

– Нет, не то, – она скептически сжала губы и убрала холст с мольберта.

Да и как могло быть «то», если в душе все заволокло черной гуашью. За полгода она не смогла закончить ни одну картину. Начинала и бросала. Стирала, перерисовывала, но итог один – все отправлялось в мусорку.

– Кира, ты здесь? – услышала она голос Гаяра.

Он подошел и обнял ее со спины. Губы едва коснулись ее шеи. Повеяло ароматом бергамота и розового перца.

– Опять ничего не вышло? – Гаяр уткнулся носом в медные локоны.

– Ничего, – тяжело вздохнула Кира. – Не получается. Не знаю, почему...

– Не грусти, – он повернул ее к себе лицом и поцеловал – нежно, мягко. – Ты была у врача?

– Была...

– И?

– Здорова.

– Тогда почему у нас не получается? – Гаяр чуть отстранился, заглядывая в ее янтарные глаза.

– А ты не думал, что причина не во мне? – Кира убрала его руку и сняла передник. На руках остались следы краски.

– Со мной все в порядке, – процедил он сквозь зубы. – Никто не жаловался.

– Ну раз никто не жаловался, – вмиг янтарь ее глаз превратился в раскаленную лаву. – Это игра в одни ворота, Гаяр.

– Ты просто не хочешь ребенка от меня, – прошипел он.

– Я уже давно не делаю, что хочу.

– Тебя никто не заставлял выходить за меня замуж. Могла бы сказать нет.

– Думаешь? – Кира уже стояла у раковины и держала руки под струей теплой воды.

– Кира... – Гаяр закатил глаза. – Разве я плохо обращаюсь с тобой? Хотела отдельную мастерскую – пожалуйста. Собственную галерею – ради Бога, дорогая. Только не впадай в депрессию.

– Давно ли я стала тебе дорогой? – иронично спросила она. – По-моему, мы оба прекрасно понимали, что к чему, когда соглашались на свадьбу.

Гаяр не дал ей договорить. Он резко развернулся и вышел из мастерской. Дверь с грохотом захлопнулась. Кира осталась одна. «Зачем ты так?!» – мысленно отругала она себя. В конце концов, он не сказал ей ничего плохого.

Кира порой думала о том, что два года назад ей нужно было сбежать, а не соглашаться на брак с Сафиным. А сейчас в этом уже нет смысла. Если рассуждать здраво, Гаяр оказался не таким уж плохим мужем.

Поначалу Кира старалась полюбить его в ответ. Только сердце не обманешь. Оно отчаянно сопротивлялось.

Она выключила воду, вытерла руки и посмотрела на свое отражение в зеркале: бледная, со следами бессонницы под глазами, которые не мог скрыть дорогой тональный крем. Раньше она ловила себя на мысли, что ненавидит Гаяра. Сейчас – нет. Ненависть прошла, оставив после себя пустоту и глухое раздражение, которое просыпалось каждый раз, когда он просто входил в комнату.

Почему? Гаяр никогда не кричал, не унижал, не поднимал руку. Даже цветы дарил каждую пятницу, ее любимые орхидеи. Может, именно это и раздражало ее – внимание и забота? Или его присутствие безмолвно напоминало о той сделке два года назад?

Кира вышла из мастерской и направилась в дом. Гаяр сидел в гостиной на диване, листал какие-то бумаги. Увидев ее, отложил папку.

– Подойти, пожалуйста, – позвал он.

Она подошла, но не села рядом, а опустилась в кресло напротив.

– Слушаю.

– Я прекрасно знаю, что ты меня не любишь, – начал он. – Я и не прошу любви. Прошу только о том, чтобы ты не превращала нашу жизнь в ад. Я больше не буду пытаться завоевать тебя. Да, ты не хотела этого брака. Но мы женаты.

– К чему этот разговор? – Кира смотрела не на него, а изучала узор на камине.

– Кира, посмотри на меня, – мягко попросил Гаяр. – Не стоит так демонстративно показывать, насколько я тебе безразличен.

Она слегка наклонила голову в его сторону. Закатное солнце отражалось в ее янтарных глазах.

– Я прошу тебя, перестань ненавидеть меня. Я стараюсь, очень стараюсь, чтобы твоя жизнь была комфортной. Думаю, что за это заслуживаю уважения и благодарности. Ты так упорно отталкиваешь меня...

Кира внимательно посмотрела на него. В черных глазах не было ни издевки, ни расчета. Только усталость. И отголосок раненого сердца. Неужели? Нет, не может быть.

Гаяр поднялся и подошел к ней. Присев на корточки, осторожно взял за руку. Она хотела вырваться, но не стала. Чувство вины поселилось внутри и разгоралось, как уголек. Его губы коснулись безымянного пальца с обручальным кольцом. Прикосновение было таким бережным, что у нее перехватило дыхание. Не потому что приятно, а потому что Кира не знала, как отреагировать.

– Что ты делаешь? – тихо спросила она, но руку не убрала.

– Ничего, – ответил он, поднимаясь и отходя к окну.

Кира смотрела на его широкую спину и чувствовала напряжение. Гаяр всегда будет чужим.

– Я так устал, – проговорил он, не оборачиваясь. – Неужели ты еще не поняла, что я единственный человек, кому ты нужна? Пока нужна. Я все еще надеюсь получить настоящую жену. Не надувную куклу.

– Ты не по адресу, – цинично бросила Кира.

– Ты такая дура! – рявкнул Гаяр и ушел.

Кира осталась одна. Пусто. Почему она чувствует это так, словно душу выскребли мастихином? Нужно было остановить его. Ведь в одном Сафин прав – больше никому она не нужна. Мама умерла много лет назад, папа слишком занят бизнесом. В отчем доме хозяйничает Жанна.

Мачеха лишила ее даже собственной комнаты. Младшей сестре, Регине, срочно понадобился отельный кабинет. И нужна была именно ЕЕ комната. А самое обидное – Киру не предупредили и даже не спросили. Втихаря собрали все вещи и отправили в новый дом. А что-то просто выкинули.

– У тебя свой дом теперь, – пожала плечами Жанна. – Зачем тебе комната здесь?

Действительно, зачем? Позже, уже лежа в кровати, Кира продолжала думать о муже, ворочаясь с боку на бок. Гаяра рядом не было. Скорее всего, он будет спать в кабинете. Тишина давила. Она лежала и смотрела в потолок, пытаясь уснуть.

Сафина она не любила. Это факт. Но почему сегодня, когда они разговаривали, сердце больно сжималось? Жалость? Или все-таки? Нет. Никакой любви. Скорее чувство вины за то, что она не могла дать ему то, что он заслуживал.

А Гаяр в это время сидел в своем кабинете за столом и сжимал в руке тяжелый стакан с виски. Он не пил – смотрел на янтарную жидкость цвета ее глаз. В голове крутился один и тот же вопрос: «За что мне все это? Где же я согрешил, что не могу добиться любви той, которая так много для меня значит?»

Молодой, успешный, влиятельный – а собственная жена смотрит на него, как на дорожную пыль. Хорошо, что хоть на людях ведет себя сдержанно и успешно играет свою роль. Иначе он бы не выдержал позора. Мама настойчиво требовала поставить Киру на место. Отец не вмешивался, но постоянно говорил о внуках.

Гаяр поставил стакан и провел рукой по лицу, проверяя нет ли там влаги. После поднялся и пошел в спальню. На секунду замер у двери, прислушался – спит ли она? Рука замерла на дверной ручке. Собравшись, он вошел в комнату.

Хоть глаза Киры и были закрыты, он чувствовал, что она не спит. Гаяр подошел и задвинул шторы. Лязгнув пряжкой ремня, рывком стащил брюки и бросил их на банкетку. Пиджак и рубашка полетели туда же.

Кира почувствовала, как продавился матрас, но не подала виду. Гаяр шумно выдохнул и перевернулся на спину. Она слегка приоткрыла веки и посмотрела на него сквозь ресницы.

Сафин много времени проводил в спортзале. Рельеф мышц, гладкая, чуть смуглая от природы кожа. Стоило ему выйти на солнце – сразу покрывался золотистым загаром и ни одного покраснения. Сердце пропустило удар. Низ живота запульсировал.

Но его привлекательность не имела никакого значения, если их брак – обязательства, а не чувства. По договору Кира была обязана родить. Только не получалось. И к врачам обращаться Гаяр наотрез отказывался, хотя с ее здоровьем все было в порядке. Значит, причина в нем.

Порой она и сама думала, что малыш поможет скрасить тяготы нежеланной семейной жизни. Она любила детей, мечтала стать матерью. Пожалуй, это единственная причина, почему не отказывала в близости. Закрывала глаза и считала: «Раз. Два. Три. Девочка, дыши».

Гаяр повернулся лицом. Его пальцы едва коснулись кончиков рыжих волос. Он смотрел на нее, но не решался нарушить тишину. Так и уснул, думая лишь о том, что делить постель с женщиной, которой противен становится невозможно. Он дышал тихо, размеренно. В спальне витал аромат бергамота и розового перца. Знакомый, но чужой. И муж чужой. Нелюбимый. Нежеланный.

Гаяр проснулся на рассвете. Посмотрел на жену. Кира во сне скинула одеяло и сквозь тонкое кружево ночной сорочки просвечивалась ее грудь. Он резко встал с кровати и ушел.

Кира потянулась и открыла глаза. Она слышала, как тихо скрипнула дверь, и по коридору пронеслись быстрые тяжелые шаги. На кухне зазвенела посуда.

Кира поднялась следом и тоже спустилась, сама не понимая зачем. Гаяр стоял в одних боксерах и варил кофе. Аромат свежесмолотых зерен разносился по всей кухне. Он пил кофе только из турки. И ее приучил к такому.

На столе уже стояли две чашки.

– Доброе утро, – буркнул он, не отрываясь от плиты.

– У нас вымерла вся прислуга? – почему-то Кира улыбнулась.

– Нет. Не хочу будить Аллу, да и она не умеет варить правильный кофе, – отрезал Гаяр, снимая турку с плиты.

Вязкая черная жидкость разлилась по чашкам.

– Тебе со сливками? – он уже открывал холодильник.

– Гаяр, зачем ты все это делаешь? – не переставала удивляться Кира. – Все это розовое конфетти – зачем? Ты же сам вчера сказал, что больше не будешь...

– По привычке, – перебил он.

Солнечные лучи заиграли на мускулистом теле. Она на секунду задержала взгляд на его торсе, после чего перевела на чашку. Пальцами водила по краю и потом обхватила дорогой фарфор.

– Кира, пойми, я не хочу, чтобы ты чувствовала себя заложницей обстоятельств. Ты вольна делать все, что хочешь, – он сделал большой глоток.

– Но при этом оставаться твоей женой, – добавила она.

– Да, именно так. И я хочу ребенка, – его голос звучал тихо, но твердо.

– Тогда сделай уже что-нибудь для этого, – Кира сверкнула глазами, как молниями. – Сходи к врачу.

– Хорошо, – прорычал Гаяр, сжимая чашку так, что побелели костяшки.

– Я вообще не понимаю твое желание иметь ребенка именно от меня, – ядовито проговорила она. – ЭКО, суррогатное материнство. С твоими-то деньгами...

– Я женился не для того, чтобы... – он замолчал. – Все, закрыли тему. В брачном договоре все прописано. Не вижу смысла обсуждать.

Дальше кофе они пили молча. Закончив, Гаяр, не проронив ни слова, ушел. Через полчаса хлопнула входная дверь, и черный «Майбах» скрылся за воротами. Кира еще какое-то время провела на кухне, а потом вернулась в спальню.

Она толкнула массивную дверь, и та бесшумно распахнулась. Все в этом доме обставили по ее вкусу. Каждую деталь выбирала она: от паркета из темного дуба до панелей мягкого пепельно-серого цвета. Ни грамма вычурности – только сдержанная дорогая простота, которую она так любила. Кровать с низким гладким изголовьем, застилаемая сатином дымчатого оттенка, идеально ровная, пустая – как сцена провального спектакля, который никто не пришел смотреть.

Гаяр не жалел денег. Никогда. Он не спорил, не навязывал свой вкус. Даже обстановку в его кабинете выбирала Кира. Но благодарности не чувствовала – только глухое раздражение. Потому что это все равно, что певчая птица выбирала цвет прутьев собственной клетки.

Она подошла к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу. Май был в самом разгаре, но частые грозы не давали воздуху прогреться. В саду, который тоже проектировала она, ветер играл с зелеными кронами деревьев. Все по ее эскизам – от клумб вдоль подъездной аллеи до плодовых деревьев в саду за домом. Гаяр сделал все, чтобы она была полноправной хозяйкой. Может быть, это и бесило больше всего? Что не к чему придраться? Не за что упрекнуть, устроить скандал?

Кира легла на кровать и уставилась в высокий потолок. Пахло его духами. Запах пропитал даже подушки. Она грубо оттолкнула их рукой, а потом все равно прижала к себе. Странный порыв. Может, все-таки стоит попробовать быть с Гаяром поласковее? Вдруг получится притерпеться? Хотя кого она обманывала. Пыталась и не раз. Ничего из этого не вышло.

Весь день Кира пролежала в постели. Разговор с Гаяром забрал у нее все силы. Гаяр вернулся практически ночью. От него исходило удушающее амбре виски. Не проронив ни слова, разделся и улегся в кровать, смерив ее тяжелым взглядом. Через полчаса заснул.

Кира вслушивалась в размеренное дыхание мужа. Даже такое естественное действие вызывало приступ раздражения. Она сжимала уголок подушки и покусывала нижнюю губу до тех пор, пока сама не провалилась в сон.

Утром ее разбудило легкое прикосновение к шее. Вздрогнув, Кира открыла глаза. Гаяр закинул на нее руку, прижался губами к ее коже, не открывая глаз. Сначала она хотела отстраниться, но потом подумала – пусть спит дальше. Раз уж решила в очередной раз попробовать по-другому относиться, стоит начать с этого.

Гаяр спал как ни в чем не бывало. Тяжесть его руки на талии давила неподъемным грузом. Она медленно повернула голову и посмотрела на его лицо. Все черты во сне смягчились,

исчезла та жесткая маска, которую он носил днем. Внешне он был очень даже привлекательным: правильные черты лица, четкая линия скул, прямой нос с едва заметной горбинкой.

Кира чуть отогнула одеяло и переключилась на его тело. Ей захотелось провести рукой по его животу, почувствовать как напряжется пресс. Разозлившись на саму себя за подобные мысли, она выскользнула из его объятий и вышла в коридор. Спустилась на первый этаж и прошла на кухню. Дрожащими руками открыла бутылку с водой и сделала несколько больших, жадных глотков. Руки дрожали, расплескивая содержимое на сорочку. Тонкое кружево тут же намокло и прилипло к телу. Бешенство накрыло от макушки до пяток.

Кира поставила пустую бутылку на стол и вернулась в спальню. Гаяр уже проснулся и сидел на кровати, упершись лбом в изголовье. Услышав, как она вошла, оторвался и внимательно посмотрел на нее. Он всегда так смотрит. А вчера утром в черных глазах читалась тоска. Этот взгляд раздражал, выводил из себя, бесил и... убивал.

– Встала ни свет ни заря. Что с тобой? – тихо спросил он.

– И что? Нарушила твое расписание? – грубо ответила Кира, падая в кресло.

– Давай поговорим, – Гаяр потянулся к ней.

– Не хочу.

– Кира, – его голос стал тверже. – Я не могу так больше. Ты меня все время отталкиваешь, как чумного. Что я делаю не так?

– Ничего, – устало проговорила она. – В этом вся проблема. Ты слишком идеальный. А я не могу заставить себя чувствовать то, что не чувствую.

Гаяр тяжело вздохнул. Потом встал, натянул брюки и пошел к двери.

– Знаешь, Кира, есть вещи хуже ненависти. Я бы понял ее. Но твое равнодушие...

Он вышел. Сначала оглушающе хлопнула дверь спальни, а потом входная. Через минуту взревел двигатель «Майбаха», и машина вылетела со двора.

– Как всегда, – буркнула Кира.

В доме стало тихо. Только часы тикали над туалетным столиком. Она просидела так около часа, а потом быстро собралась и пулей вылетела из дома.

– Ненавижу тебя, Сафин. И дом этот ненавижу, – шипела, запрыгивая в красный «Порше».

Выехать решила через задние ворота, чтобы избежать вопросов от начальника охраны, Мурата, который сегодня сам дежурил на главных воротах. Его подчиненные не задают ей вопросов.

За окном мелькала лесополоса, потом появились редкие дома. Въехав в город, Кира вырулила на набережную. Завернув к кофейне, припарковалась и поспешила внутрь. В старом заведении пахло горячим шоколадом и миндальными круассанами. Заказав эспрессо, села за дальний столик у окна.

В кармане завибрировал телефон: «Гаяр».

– Ты где?

Она молчала.

– Кира, я волнуюсь. Где ты? – повторил он. – Мурат сказал, что ты уехала.

– Дышу воздухом. Или нельзя? – рыкнула она.

– Ну да. В загородном доме его не хватает, – съязвил Гаяр.

– Именно. В доме слишком душно. Да и не только в доме.

– Кира, пожалуйста, не заставляй меня переживать. Возвращайся домой.

– Продышусь и вернусь, – сказала она и отключила мобильный, который и так уже почти разрядился.

Кофе медленно остывал. Брезгливо поморщившись от холодного эспрессо, заказала еще чашку. Все-таки у Гаяра кофе гораздо вкуснее... Через полчаса, так и не допив, Кира расплатилась и собралась уходить.

Все мысли витали вокруг утренней сцены. «Твое равнодушие...» Что Гаяр хотел этим сказать? Что равнодушие убивает? И ведь прав. Равнодушие – это пустота. А в ее душе – пустыня. Сердце высохло, превратившись в сморщенную смокву. Почему? Муж ведь все делает для нее, а она не может ответить ему взаимностью. Сердце молчит. Внутри она мертва. Остальное – физиология, потребность в тепле и человеческой компании. Но без Гаяра дома порой бывает так пусто...

Кира уже почти дошла до машины, как прямо перед ней, выехав на тротуар, затормозил черный «Майбах». Сердце екнуло где-то в горле. Гаяр вышел из машины. Взъерошенный, в мятой рубашке, без пиджака. Он выглядел так, будто все это время где-то валялся.

– Ты следишь за мной? – выпалила она.

– Нет, – произнес он низким голосом. – Я знаю, куда ты уходишь, когда расстроена. А еще просил не выключать телефон.

– Он разрядился.

– Врешь, – Гаяр прищурился. – Я должен знать, что с тобой все в порядке.

– Убедился? А теперь проваливай, – прошипела она.

– Кира, не надо, – плечи его поникли, а голос дрогнул.

– Что «не надо», Гаяр? – в какой-то момент Кире захотелось ударить его, чтобы сорвать маску заботы с этого лица. – Не выносишь, когда не можешь контролировать меня? Я ведь не жена, красивый артефакт на полке коллекционера.

– Бред, – Гаяр уже начал выходить из себя, но старался говорить ровно и спокойно.

– А разве нет? – Кира подалась вперед, янтарные глаз полыхнули пламенем. – Красивая кукла для постели и галочки «женат», ведь так? Мне не нужны ни твои деньги, ни подарки, ни внимание. Я не продаюсь за такое.

Гаяр стиснул зубы так, что казалось – сейчас раскрошатся.

– Я не покупаю тебя, – попытался вразумить он.

– Да? – ее брови взмыли. – Свадьба как сделка купли-продажи. И договор имеется.

Он вплотную подошел к Кире. Схватил за запястье и сжал. Не слишком сильно, но ощутимо.

– Остановись. Пойдем домой.

– Никуда я с тобой не пойду, Гаяр, – она попыталась выдернуть руку.

– Нет, – отрезал он и потащил к машине.

Кира сопротивлялась, а он не реагировал и лишь сильнее сжимал пальцы. Тогда она решилась на то, на что никогда прежде не отважилась бы.

– Знаешь, дорогой, я кажется поняла, почему ты мне противен, – с ледяной улыбкой на губах выдала она. – Ты не мужчина. Маленький мальчик, который привык получать все за папины деньги. А когда не выходит – топаешь ножкой. Жену даже купил. А вот на любовь денег не хватило?

Глаза Гаяра потемнели. Он отпустил ее запястье и натянулся, как тетива. Секунду смотрел на нее – как на чужую, как на врага. А потом замахнулся.

Пощечина, как удар хлыста, заставила ее голову дернуться в сторону. Кожа моментально покраснела, в ушах зазвенело. Ударь он чуть сильнее – сбил бы с ног.

Кира не вскрикнула. Она медленно повернула голову, посмотрела на него. В глазах – шок и… облегчение? Будто она ждала этого. Будто хотела, чтобы он наконец показал свое истинное лицо.

Гаяр замер. Он переводил взгляд то на нее, то на ладонь.

– Кира, – просипел он.

Она не ответила. Воспользовалась замешательством мужа и побежала к машине. Заведя двигатель, сорвалась с места. Щека горела. Но странное дело – внутри не было боли. Только

пустота. Ни одной слезинки. Только от этого было еще хуже, потому что удар говорил, что ему НЕ все равно.

Кира выехала на шоссе и ехала в никуда. Гаяр за ней не поехал. Перед глазами стояло его лицо в минутном порыве гнева, смешанным с чувством вины. Она свернула на обочину, достала из сумочки телефон и включила. Длинным ногтем застучала по экрану, набирая номер папы.

– Алло, – хрипловатым голосом ответил он.

– Пап, Гаяр меня ударил, – выпалила сходу Кира.

– Что ты сделала? – грозно прорычал отец.

– Я? Пап, ты не слышишь меня? Я получила пощечину от него!

– И?

– Папа, но...

– Мне некогда. У меня совещание, – в динамике послышались короткие гудки.

Вот теперь по щекам Киры полились слезы – горячие и обжигающие. Хотя, на что она рассчитывала? Еще до свадьбы папа дал понять, что ее жизнь его мало интересует и сделка важнее. Она положила голову на руль и протяжно застонала. О, если бы только мама была жива, то не позволила бы выдать ее замуж.

Лидия Семеновна умерла, когда Кире было десять. Рак. Лейкемия. Мама «сгорела» за год. Ее пытались вылечить и в Москве, и за границей. Курсы химиотерапии, пересадка костного мозга окончательно ослабили и без того хрупкое здоровье. Сердце не выдержало.

Со смертью мамы жизнь изменилась. Папу как подменили. Он стал другим человеком – жестоким, безжалостным. Порой Кире казалось, что он не выносил ее присутствия лишь потому, что она слишком сильно похожа на покойную жену. Ее отправили в частную закрытую школу. Помимо навыков рисования, Кира усвоила очень хороший жизненный урок – на нее всем плевать.

Спустя два года после тяжелой утраты она приехала домой на летние каникулы и сразу почувствовала удушающий аромат незнакомых женских духов. Папа снова женился. И ни слова не сказал! Просто тихо привел в дом Жанну. И самое ужасное – та была беременна.

Кира испытала такой шок, что несколько дней просидела в своей комнате и ни с кем не разговаривала. За что ее молча отвели к психологу. Василий Ланской даже не потрудился объясниться с дочерью.

Жанна общалась с ней притворно-ласковым тоном с нотками снисходительности. Она не пыталась завоевать доверие или подружиться. В доме все переделали на ее вкус. Высокомерная блондинка с ядовито-зелеными глазами уничтожила все, что могло напоминать о первой госпоже Ланской. Мягкий, уютный прованский интерьер превратился в холодный «контемпорари». Ни намека на теплоту – только графитово-голубая палитра, стекло и абстрактные картины в черных рамках. В доме стало невозможно дышать. Мамина живопись переехала в подвал. Спасибо, что не выкинули.

Переезжая в дом мужа, Кира забрала ее с собой. Как и мамину скрипку. Что-то из ее работ повесили на стены, что-то она бережно хранила в своей мастерской, а самые красивые работы превратила в выставку памяти Лидии Ланской. Все вырученные деньги от продажи билетов шли в фонд помощи онкобольным «Лидия» – и этот фонд тоже был создан Гаяром.

Но ни выставка, ни фонд не могли вернуть то, что она потеряла. Каждый раз, касаясь струн маминой скрипки, Кира слышала ту самую музыку, которую слушала в детстве. Особенно прекрасно было просыпаться под романтическую мелодию, доносящуюся из родительской спальни. Ох, мама... Она тяжело вздохнула, смахнула остатки слез и медленно поехала дальше.

Свернув с основного шоссе, Кира долго петляла по «пьяной» дороге через лесополосу. Потом свернула на проселочную. Дождь размыл колею. Проехав еще немного, колеса увязли в

сером месиве. Она попыталась выехать, но еще больше застряла. «Порш» рычал, но вырулить не получалось. Выругавшись и стукнув по рулю ладонями, открыла дверь и ступила в вязкую массу.

Изящные бежевые туфли погрузились в грязь, отвратительно чавкнув. Светлые джинсы тут же покрылись темными брызгами. Ткань намокла у щиколоток и тяжело облепила ноги. Кира обошла машину по кругу. Вокруг ни души. Телефон потерял сеть. Она застонала от безысходности, схватила сумочку и, закрыв машину, пошлепала в сторону шоссе.

Пошел дождь. Крупные капли падали с неба, наглухо затянутого черными тучами. Вдалеке вспыхнула молния и громыхнуло. Кира съежилась и ускорила шаг, чтобы побыстрее уйти с открытой местности. Порывы ледяного ветра пробирали насквозь, а от промокшей одежды начало трясти от холода.

Кира шла и шла, пока не добралась до дороги, с которой свернула. Никого. Ни одной машины. Она достала телефон. Разблокированный экран моргнул и погас. Разрядился окончательно. Она стиснула его в руке до онемения пальцев. Гроза становилась все ближе, а чувство страха – острее. Хоть бы кто проехал мимо. Что за забытая Богом дорога?! Медные пряди липли к лицу, раздуваемые порывистым ветром.

Из-за поворота показались две полоски света. Кира остановилась и вытянула руку, но старый жигуленок проехал мимо. Она прошипела ядовитые ругательства ему вслед и пошла дальше. Как же холодно.

Осмотревшись, Кира поняла, что ушла в другую сторону.

– Ну что, вырвалась птичка, – отругала саму себя, развернулась и зашагала обратно.

Нужно было переждать ливень в машине. Хоть не промокла бы. Впереди показалась «Газель». Ржавая, с облезлой краской на кабине и треснутым бампером.

Кира заколебалась, стоит ли «голосовать». Машина выглядела подозрительно. Но дождь хлестал все сильнее, а до застрявшего «Порше» не меньше километра пешком по грязи. «Газель» затормозила в паре метров. Она подошла ближе.

Окно опустилось. Оттуда выглянуло лицо мужчины лет сорока, щетинистое, с кривой ухмылкой. Глаза – маленькие, темные, масляные.

– Садись, красавица, подвезу, – противным сиплым голосом произнес водитель.

– Мне в сторону города, – Кира старалась говорить уверенно, но из-за клацания зубов голос дрожал.

– Да, да, запрыгивай, а то совсем околеешь, – он кивнул на дверцу.

Кира потянулась к ручке, но замерла. Внутри кабины, на пассажирском сиденье сидел еще один – помоложе, с лысой головой и тяжелым взглядом. Он бесцеремонно рассматривал ее и облизывал верхнюю губу.

– Нет, я лучше пешком, – Кира отступила назад.

– Ну куда ты пешком? – водитель открыл дверь и выбрался наружу. Он оказался выше ее на голову, жилистый, с небольшим животиком и татуировками на пальцах. – Не бойся, довезем. Что сырой-то ходить.

– Я сказала – нет! – она попятилась быстрее.

Водитель переглянулся с напарником. Тот тоже вышел.

– Дура что ли? – сказал лысый, смачно сплюнув на землю. – Тебе говорят – садись по-хорошему.

Киру захлестнула волна ледяного ужаса. Она резко развернулась и побежала в лесополосу. Туфли скользили по влажной траве и разъезжались в разные стороны. Она скинула их на ходу и рванула босиком глубже в чащу.

– Стоять! – орал водитель.

Сзади топали тяжелые шаги. Кира бежала, не разбирая дороги, ветки хлестали по лицу, мокрая одежда тянула вниз. Сердце колотилось где-то в горле. Она упала, поцарапала руки о корни, вскочила – и тут же мощная рука схватила ее за волосы.

– Ах ты сука! – прохрипел лысый и дернул ее назад. – Сбежать хотела?

Она закричала. Резко, истошно, как никогда в жизни. Водитель подлетел и зажал ей рот грязной ладонью, воняющей бензином.

– Заткнись! Не захотела по-хорошему, будет по-плохому.

Они поволокли ее к «Газели». Кира царапалась, пиналась, отчаянно пыталась вырваться, но силы кончались. Холод, ужас, паника – все смешалось в один комок. Она краем глаза увидела открытую дверь кабины, ржавый пол и кучу грязных тряпок.

– Помогите! – успела выкрикнуть она, прежде чем рот заткнули одной из них.

И тут вдалеке послышался звук ревущих двигателей.

Яркий свет фар выхватил из темноты всю картину: белая фигура Киры в грязи, двое мужчин, заталкивающих ее в машину. Черный «Майбах» с визгом затормозил. Следовавший за ним джип с заносом остановился перед «Газелью».

Водитель и лысый отскочили. Первый толкнул Киру в лужу, и она уткнулась лицом в мутную жижу.

Из «Майбаха» выскочил Гаяр. Лицо белое, как мел, глаза горят черным огнем. Он не сказал ни слова. Просто подошел к водителю и ударил. Один раз – в челюсть, да так, что тот рухнул в грязь, даже не вскрикнув. Второй – лысому, но тот увернулся и бросился в лес. Из внедорожника вылетели четверо охранников и Мурат.

– Догнать! – рявкнул Сафин.

Один из них ринулся за нападавшим. Мурат скрутил водителя, вжимая его лицо в землю. Гаяр тяжело дышал. Грудь часто вздымалась. Казалось, что сейчас рубашка лопнет. Его взгляд был прикован к Кире. Он поднял ее, мокрую, босую, перепачканную. Глаза – круглые, как блюдца, в зрачках читался немой ужас и шок. Он выдернул кляп.

– Ты... – прошептала она.

– Цела? – его голос сел и дрожал. Он схватил ее за плечи, осмотрел с ног до головы. – Кира, мать твою, ты цела?!

– Цела, – выдохнула она.

Гаяр снял свой пиджак – дорогой, из тонкой шерсти – и накинул ей на плечи. Кира не сопротивлялась. Он прижал ее к себе, крепко, грубо, как будто боялся, что она вырвется и убежит.

– Родная, – тихо проговорил он, прислоняясь губами к ее медной макушке. – Никогда больше не смей так делать. Я чуть с ума не сошел. Прости меня.

Она молча уткнулась в его влажную рубашку. Пахло бергамотом и розовым перцем. И почему-то этот запах не раздражал, а наоборот – успокаивал.

Из-за деревьев вышел охранник с лысым. На лице незнакомца виднелся багровый след от удара.

– Сядь в машину, – приказал Гаяр. – И не смей выходить.

Он практически толкнул ее в салон и захлопнул дверцу. С улицы обрывками доносился его жесткий голос.

– ... живого места не оставить. Машину сбросить в кювет и поджечь, – Гаяр подошел и пнул водителя в живот.

– Будет сделано, – кивнул Мурат.

Потом Сафин развернулся и направился к «Майбаху». Сев внутрь, яростным рывком переключил передачу и вжал педаль газа в пол. Кира сидела, укутавшись в его пиджак. В салоне было тепло и сухо. Гаяр одной рукой сжимал руль, а другой нашел ее руку и держал за пальцы. Его челюсть ходила ходуном.

Она знала – муж в бешенстве. Если бы он опоздал на минуту… Кира даже мысленно не могла закончить эту фразу. Они ехали молча. Заехав в ворота особняка, Гаяр заглушил двигатель, но из машины не вышел. Вместо этого он повернулся к ней и впился взглядом.

– Кира, ты понимаешь, что могло случиться?

– Д-да, – тихо ответила она.

– В следующий раз, когда захочешь уехать к черту на рога, скажи. Я лично отвезу тебя. Или приставлю охрану, которая тенью проследует за тобой. Но одна – больше ни шагу! Поняла?!

– Поняла. Спасибо, Гаяр, – она подняла на него глаза. Янтарные, красные от слез.

Гаяр отвернулся, выдохнул и вышел из машины. Открыл дверцу, помог встать на ноги. Кира едва могла идти, поэтому он подхватил ее на руки и понес в дом. Она положила голову ему на плечо, прижимаясь всем телом. Это удивило его еще больше.

Переступив порог, наткнулись на Аллу. Та ахнула, увидев грязную и растрепанную Киру. Гаяр коротко бросил:

– Ванну приготовь. Горячую. Бегом. И вызвать врача.

– Гаяр, не надо врача, – попросила Кира.

– Я сказал – врача. Не спорь со мной. Не сейчас.

– Пожалуйста. Я устала и хочу спать.

– Ладно.

Домработница поспешила наверх выполнять распоряжение. Гаяр отнес Киру в ванную комнату.

– Уходи, – кинул он Алле.

После того, как дверь со щелчком захлопнулась, поставил Киру на пол и стал снимать мокрую одежду. Она не сопротивлялась. Он аккуратно расстегивал пуговицы на ее блузке. Касания – быстрые, осторожные и... не раздражающие. Придерживая за локоть, Гаяр помог ей переступить бортик и опуститься в горячую воду. Облако пены спрятало наготу. По телу побежали мурашки и стало хорошо. Безопасно.

– Я сейчас вернусь. Надеюсь, тебя не унесет в слив, – сказал он и ушел.

Кира закрыла глаза и нырнула. Слушала шум воды. Когда кончился воздух – вынырнула. Внутри зарождалось странное чувство. Не раздражение. Что-то теплое, колючее, неуклюжее. Ранее незнакомое. Из груди вырвалось рыдание. Настоящее, протяжное, болезненное.

Гаяр вернулся минут через десять, держа в руках стакан с виски. Он протянул ей и смотрел, как она сделала глоток и закашлялась. Янтарный напиток обжег горло, но начал согревать изнутри. Он забрал бокал и залпом допил остаток. После опустился на край ванны. Его ладонь прислонилась к ее щеке, мягко поглаживая.

– Согрелась?

– Да, – прошептала Кира. – Жарко.

Гаяр потянулся и взял полотенце. Не проронив ни слова, помог ей выбраться. Завернув в пушистую махру, вышел в спальню. Пока она вытиралась, он открыл комод и достал теплую пижаму. Вернулся обратно, оставил на раковине одежду и снова ушел.

Кира оделась и пошла следом. Гаяр сидел в темной комнате в кресле. Она прилегла на кровать и укрылась одеялом. Зубы все равно стучали. Он поднялся и хотел уйти.

– Не уходи, – ее неожиданная просьба заставила его замереть на месте. – Полежи со мной.

Он посмотрел на нее долгим взглядом, потом разделся и лег. Не прикоснулся. Просто лежал рядом, глядя в потолок.

Кира сама пододвинулась и положила голову на плечо.

– Не надо. Ты сейчас в шоке, – глухо сказал он, но, поймав ее растерянный взгляд, добавил: – Это не потому что я не хочу. Просто ты это делаешь из благодарности.

– Нет. Гаяр...Я испугалась. Сильно. Как никогда в жизни.

Он почувствовал, как Кира дрожит. Вздохнув, обнял ее и убрал медную прядь с лица. Она прижалась к нему, как к единственному человеку на свете, кому она действительно нужна.

Гаяр повернулся к ней лицом и свободной рукой провел по щеке.

– Прости за это, – его пальцы замерли на ее скуле, до сих пор припухшей от его удара.

– Нет, это ты меня прости. Я не хотела говорить то, что сказала, – перебила Кира. – Почему-то только ты всегда рядом.

– Я не чужой, Кира. Это ты сделала меня чужим. Все два года я пытаюсь проникнуть в твое сердце, а ты упорно отталкиваешь меня. Мы могли бы быть счастливыми, но...

– Давай попробуем, – вдруг сказала она. – Еще раз.

Ее слова свалились, как снег на голову. Гаяр в упор посмотрел в янтарные глаза, пытаясь найти там малейший намек на лицемерие. Но нет. Кира сказала искренне.

Они так и уснули в обнимку. Впервые как настоящие муж и жена, а не участники сделки.

Глава 2

– Доброе утро!

Кира медленно приоткрыла глаза. Гаяр стоял рядом и держал в руках небольшой поднос.

– Ты не на работе? – удивленно спросила она.

– Нет, – он опустился на край кровати. – Давай, поднимайся, а то завтрак остынет. Скоро приедет доктор.

– Гаяр! Я же просила!

– А я просил не выключать мобильник. Мы квиты, родная, – Сафин подмигнул, ставя поднос на тумбочку.

– Кстати, про «квиты», – Кира устроилась поудобнее и пристально посмотрела на мужа. – Откуда ты узнал, где я? Твои вороны следят за мной?

– Можно и так сказать, – Гаяр протянул ей чашку с кофе. – Сегодня я добавил карамельный сироп. Знаю, ты любишь его.

– Не уходи от ответа, Сафин, – она обхватила чашку двумя руками. – Так откуда?

– Давай оставим это моим маленьким секретом в награду за спасение? – Гаяр улыбнулся и встал.

Несколько минут он просто наблюдал, как Кира пьет кофе. И что самое странное – ее это не бесило. Она ловила себя на мысли, что раньше у нее скручивало живот от его тяжелого взгляда. Или ей казалось, что он тяжелый. Не мог же за одну ночь Гаяр научиться смотреть по-другому.

– Что?

– Ничего. Просто непривычно смотреть, как ты пьешь мой кофе без скандала.

– Да? Неужели я так часто скандалю? Мне казалось, что я всего лишь высказываю свое мнение.

– Ага, – хохотнул Гаяр. – Это теперь так называется?

Кира по привычке хотела огрызнуться, но вовремя прикусила язык. Вместо продолжения словесной перепалки она взяла еще теплую булочку и откусила кусочек.

– Во сколько придет доктор? – спросила, прожевав.

– В одиннадцать.

Фыркнув, Кира допила кофе и вернула чашку на поднос. И только тогда заметила там маленькую веточку орхидеи с крупными белыми лепестками.

– Как-то скромно для тебя, – удивилась она. – Сегодня же не пятница.

– Поэтому и скромно.

Кира не ответила. Взяла стебель и покрутила его. Обычно он приносил охапку цветов, а тут... Это было мило.

Гаяр сказал, что будет в кабинете, и вышел. Кира лениво потянулась и поднялась с постели. Подошла к окну. Дождь кончился. Небо казалось обесцвеченным. Будто природа стерла старую краску и еще не решила, какой оттенок акварели нанести следующим.

Подойдя к зеркалу, Кира провела пальцем по едва заметному следу от вчерашней пощечины. Злилась не на Гаяра, а на свой длинный язык. Отражение тоже не радовало: кудри спутались в колтун, под глазами выступили синяки. И все же не это ее поразило. Глаза... Пустота в них исчезла, и появился странный блеск.

Тряхнув головой, Кира взяла себя в руки, быстро причесалась и переоделась. Спустилась в гостиную. Поглощенная своими мыслями, она не заметила Гаяра в коридоре и налетела на него, выбив телефон из рук.

– Ты решила сбить меня с ног? – заворчал он, наклоняясь за мобильным.

– Извини, – промямлила она и скорчила виноватую рожицу.

– Повезло, что экран не треснул.

– Я не специально.

– Это-то и страшно... Когда ты делаешь **не** специально, получается только хуже.

– Все? Утренняя порция милого поведения закончилась? – Кира сморщила нос.

– А как ты хотела? Налетала на меня, чуть не разбила телефон... Куда ты так летела? – он коснулся ее подбородка кончиками пальцев. По телу сразу побежали мурашки.

– Может, я к тебе спешила? – Кира взмахнула своими длинными и пушистыми ресницами.

Гаяр опешил и насторожился, словно искал подвох в янтаре ее глаз. Кира чуть склонила голову к плечу, но не разрывала зрительного контакта. За два года она еще ни разу не смотрела на него с такой теплотой и понимала это. Сердце предательски громко билось о ребра.

Гаяр провел рукой по волосам. У Киры перехватило дыхание от того, как тонкая ткань рубашки натянулась на его бицепсе, подчеркивая рельеф мышц. «Господи, да что со мной такое?!» – мысленно отругала себя.

– Что-то не так? – Гаяр машинально поправил воротник.

– Нет... Просто... – выдохнула она.

– Не зря я вызвал доктора. Ты какая-то странная. Может, у тебя температура? – он приложил ладонь к ее лбу, окончательно выбивая почву из-под ног.

Кира моргнула несколько раз подряд, никак не в силах справиться с тем потоком чувств, что накрыл ее в один момент.

– Хватит! – раздраженно бросила она.

– Что «хватит»? – Гаяр убрал руку в карман.

– Душить меня своим обаянием!

– Чем? – он закинул голову назад и рассмеялся. – Кира, родная, это банальная забота. Неужели ты не поняла?

– Забота? А завтрак в постель? Эта чертова орхидея на подносе? Ты хочешь, чтобы я чувствовала себя виноватой за то, что сбежала вчера?

– Ты невыносима, Кира, – улыбка сползла с его губ. – Вечно ты ищешь подвох, двойной смысл. Тебе не приходило в голову, что мне просто нравится делать тебе приятно? Что, в отличие от тебя, я не могу делать вид, что мне плевать на наш брак?

– Ты специально сводишь меня с ума!

– Да. Именно это и есть главная цель в моей жизни.

– Аррр! – зарычала Кира и топнула ногой. – Я не понимаю, что со мной происходит. Я... я...

– А я сейчас объясню. Ты злишься не на меня, а на себя. И не я заставляю тебя чувствовать вину, а ты сама. Как все просто, правда?

Кира прыснула и скрылась за дверью кухни. Гаяр пошел за ней.

– Убегаешь? Не похоже на тебя... – съерничал он.

– Да, убегаю, – она плюхнулась на стул и сжала пальцы в кулаки. – Я не знаю, что со мной сегодня происходит... И хуже всего – не знаю, как реагировать.

– Никак. Просто прими, что «как раньше» уже не будет.

– Не могу.

– Почему? – Гаяр сел напротив и наклонился.

Кира хотела отодвинуться подальше, но не смогла. Она чувствовала его запах. Бергамот и розовый перец смешались с каким-то новым ароматом. «Неужели это он так пахнет? Боже. Я сейчас сойду с ума...» – промелькнуло в ее голове.

– Молчишь?

– Да.

– Ну, молчи дальше, – вздохнул Гаяр и ушел.

Дверь за ним закрылась с глухим щелчком, но тут же открылась. Вошла Алла и начала греметь посудой. Потом пришел их повар Федор. Прислуга молча переглядывалась, чем еще больше раздражала. Не выдержав, Кира ушла в гостиную. Хотела почитать, даже взяла книгу, но не смогла сконцентрироваться. В итоге просто полистала страницы и убрала ее на место.

Ровно в одиннадцать ноль-ноль в дверь позвонили. В коридоре послышались шаги и голос Гаяра. Через пару минут в комнату вошел высокий поджарый мужчина в белом халате. В руках он держал кожаный саквояж. Всем своим видом он напомнил Кире человека из прошлого века. Хотя, судя по копне седых волос, так оно и было.

Гаяр прошел следом и опустился в свое любимое кресло у камина.

– Волин Вячеслав Петрович, – представился мужчина. – Я врач. Гаяр Азатович сказал, что вы вчера сильно промокли.

– Да. Машина застряла. Пришлось идти пешком.

– Вот же угораздило вас в такую погоду, – пожурил Вячеслав Петрович. – Так, милочка. Мне нужно вас как следует осмотреть. Пневмония дело такое. Сегодня есть, завтра нет.

– Со мной все в порядке.

– Это я скажу вам после осмотра, – доктор щелкнул застежкой саквояжа.

В гостиной повисла тишина. Волин придирчиво осмотрел каждую ссадину и царапину, послушал, проверил пульс. Периодически он хмыкал или издавал свистящий вдох.

– Вы здоровы, голубушка. От ссадин назначу мазь. Если вдруг поднимется температура – выпьете жаропонижающее и вызовете меня. Ясно? – Вячеслав Петрович говорил это не столько Кире, сколько Гаяру.

Сафин коротко кивнул.

– Сотрясения нет? – уточнил он.

– Нет. Но если переживаете – могу выписать вам направление на КТ.

– Не надо, – выпалила Кира. – Со мной все хорошо.

– Это уж мне решать, «хорошо» с вами или не очень, – парировал Волин. – Берегите себя, голубушка. И не шастайте не пойми где. У меня все. Извольте откланяться.

«Ну точно – из прошлого века», – ухмыльнулась про себя Кира. Гаяр пошел проводить доктора. Вернулся минут через пять.

– Доволен? – язвительно спросила она.

– Более чем. Теперь я точно знаю, что с тобой все в порядке.

– Этот доктор странный, – Кира подобрала под себя ноги и поправила волосы.

– Есть немного, – губы Гаяра дрогнули. – К нему надо привыкнуть. Сгусток иронии и сарказма в белом халате. Это он еще себя сдерживал. Но он лучший.

– Верю на слово.

Гаяр подошел ближе и положил руку ей на плечо. Кира даже не пыталась отстраниться. Наоборот, от тяжести его ладони тело начало приятно покалывать от макушки до пяток. А когда он наклонился и защекотал ухо своим дыханием, показалось, что окончательно лишится самообладания.

– Мне надо отъехать ненадолго по делам, – тихо сказал Гаяр. – Не вздумай снова сбежать.

– Я и не собираюсь больше, – ответила Кира и скривила губы.

– Кто тебя знает... – он убрал руку и замер. В его глазах она увидела борьбу. Будто Гаяр хотел что-то сделать, но не решался. «Ну же, поцелуй меня. Ты всегда целуешь. Я же вижу, что ты хочешь», – подумала она.

– Все. Ушел, – Гаяр накинул пиджак и вышел.

Кира вздохнула и поднялась в спальню. В окне увидела задние фары «Майбаха», скрывающегося за воротами. Щеки ее пылали. Она сходила в ванную и умылась прохладной водой.

Ближе к обеду вспомнила, что так и не зарядила телефон. Открыла сумочку, начала искать его, но вместо мобильного в одном из внутренних кармашков пальцами нащупала что-то маленькое, круглое и пластиковое.

Кира вытащила свою находку и рассмотрела: GPS-трекер.

– Ну, Сафин! – прошипела и сжала метку в кулаке. – Вот он твой секрет. Знает он, куда я ухожу, когда расстроена.

Ей хотелось позвонить ему и высказать все, что она думает по этому поводу, но, с другой стороны, вчера трекер спас ей жизнь. Злость постепенно утихала. В конце концов, Гаяр не был бы Гаяром, если бы не проявлял свойственную ему предусмотрительность и изобретательность.

Сунув метку в карман, Кира вышла в сад. Тишина. Воздух стоял густой, влажный. После вчерашнего ливня пахло сырой землей и яблоневым цветом. Она шла по дорожке мимо кустов пионов, гортензий. Сама с любовью сажала их в прошлом году, украшая свою клетку. А клетка ли это теперь?

Кира настолько привыкла думать, что заперта в доме, что не замечала очевидного. Ни один мужчина не смог бы столько терпеть, если бы не... А Гаяр не просто терпел. Он старался сделать все, чтобы она не чувствовала себя чужой.

Кира понимала, что сама всегда провоцировала его. И сама же хотела его присутствия рядом. Даже сейчас чувствовала, что с удовольствием гуляла бы по саду с мужем, а не топала по мокрой дорожке одна.

Она повернулась и взглянула на фасад дома.

После свадьбы они с Сафиным жили в квартире в центре Москвы. Ей там не нравилось. Она привыкла жить за городом и задыхалась в стекле, хроме и безликой роскоши, где все кричит о деньгах и молчит о человеке.

Гаяр это понял. После их первого совместного Нового года он привез ее сюда.

Кира хорошо помнила тот день.

Зимние сумерки, снежинки падали с неба медленно, словно кружились в вальсе. Она сидела в машине и молчала, пока Сафин вез ее по заснеженному шоссе. Ехали вдвоем, без охраны.

Когда «Майбах» остановился перед высокими коваными воротами, он, не сказав ни слова, помог ей выбраться из машины и повел по припорошенной гравийной дорожке.

– Смотри, – наконец сказал он, когда они зашли за ворота.

Дом. Теплый. Светлый. Оттенка акациевого меда. Окна – огромные, от пола до потолка. На втором этаже с балконами. Ничего вычурного. Никаких колонн, лепнины и прочей атрибутики роскоши. Просто дом. Но в нем было что-то такое, от чего у Киры защемило в груди.

– Ну как? – спросил Гаяр.

– Откуда ты?.. – только и смогла проговорить она.

– Я же вижу твои рисунки. А еще вижу, как тебя передергивает в доме отца. Знаю, что тебе не нравится наша квартира. Я жил там один. Приходил только переночевать. Для семьи, детей она не годится. В ней нет души.

– Души? – Кира удивленно вскинула брови. – Да что ты можешь знать о душе? У тебя самого ее нет.

Гаяр шумно выдохнул, но промолчал. У Киры сложилось впечатление, что он читает ее мысли, и поэтому точно знает – дом ей понравился. Она может продолжать брыкаться, язвить, ерничать, но это ничего не изменит.

Устав от ее комментариев, просто вложил связку ключей и ушел.

Прошел уже год, как они переехали. Кира так и не признала, что Сафин был прав. Но каждый раз, прогуливаясь по саду, думала о том, насколько хорошо он ее понимает и чувствует. Всегда.

Кира сделала пару кругов вокруг дома. На торце заметила, что штукатурка начала трескаться у фундамента и немного отошел облицовочный камень. Хотела сразу позвонить ремонтнику, только вместо мобильного нащупала метку, о которой уже успела забыть.

Пройдя чуть дальше, опустилась на скамейку и закрыла глаза, подставив лицо свежему ветерку. Ей хотелось, чтобы он выдул из ее головы все мысли и сомнения, раз сама она не могла от них избавиться.

– Можно?

Кира вздрогнула и открыла глаза. Гаяр стоял в паре шагов. Руки в карманах, рубашка небрежно расстегнута на две верхние пуговицы.

– Ты же уехал?

– И уже вернулся. Можно посидеть с тобой? – он кивнул на скамейку.

– Да пожалуйста, – Кира пододвинулась, давая ему больше места.

Гаяр сел. Не близко и не далеко. Ровно настолько, чтобы его плечо едва касалось ее. Они долго молчали. Пока Кира не вспомнила про трекер.

– На. Это твое, – сказала она, впечатав метку ему в грудь. – Тоже мне Джеймс Бонд.

– Ты часто уезжала без охраны, – спокойно ответил Гаяр. – Я волновался. И вчерашнее показывает, что не зря.

– Ладно, Сафин, я не злюсь. Просто мне неприятно. Ты засунул эту штуковину во все мои вещи?

– Не во все. Только в те, которые ты берешь с собой.

– То есть во все мои сумки, куртки и машину... – Кира загибала пальцы и не сводила с него глаз. – В трусы не вшил?

– А надо было?

– Сафин!

– Что? – засмеялся он. – Ты же сама спросила.

Кира сжала руки в кулаки. Ей хотелось накричать на него. Как раньше. Чтобы лава в янтаре ее глаз вскипела и затопила все вокруг. Но не получилось. Злость ушла так же быстро, как и пришла. Ее место заняла усталость и странное, неуклюжее чувство, которое согревало внутри.

– Ты невозможен!

– Знаю.

– Ты понимаешь, что это ненормально?

– Что именно? Беспокоиться? Волноваться? Ты ничего не рассказываешь. Психуешь. Уезжаешь. Ты не оставила мне выбора, Кира. А если бы с тобой что-то случилось похуже?

– Но не случилось же!

– Потому что я успел вовремя.

Кира стиснула зубы. Это была правда. Неприятная. Колючая. Но правда.

– Что теперь? Как будем жить дальше? Я с меткой? А тебе чип вставим?

Гаяр взял ее кулачок, разжал пальцы и забрал трекер.

– Нет. Но если ты пообещаешь больше не уезжать неизвестно куда.

Кира хотела ответить «не обещаю», «ни за что» или очередную свойственную ей колкость, но вместо этого просто кивнула.

Сафин выдохнул и откинулся на спинку скамейки. Солнце пробивалось сквозь серые облака – первый раз за день. Теплое. Медовое. Как стены дома.

– В детстве я мечтала о собаке, – вырвалось у нее.

Она сама не понимала, зачем это сказала. Может, потому что тишина была слишком густой. Может, потому что хотелось сменить тему.

– Я хотела золотистого лабрадора. У них глаза как у человека. Шерсть мягкая. Большие лапы.

– Почему не завела?

– Жанна, – прошептала Кира. – Она ненавидит животных.

Гаяр положил руку ей на коленку и чуть сжал пальцы. И этот жест был лучше любых слов.

– Иногда я думаю о том, что если бы у меня была собака, может, я бы выросла другой. Научилась... любить, что ли.

Гаяр смотрел на нее, не отрываясь. В его черных глазах было столько всего, что Кира чуть не утонула. Сейчас на нем не было маски. Рядом сидел не холодный и расчетливый человек, а другой. Живой. Теплый. Ранимый. Как она.

Ее тянуло к нему. Сердце ударило. Раз. Два. Три. Девочка, дыши. Кира поймала себя на мысли, что хочет поцеловать его. Сама. Прямо сейчас. Не потому что надо. Не из благодарности за спасение.

Гаяр не двигался. Кира наклонилась еще ближе. Их губы оказались на расстоянии пары сантиметров. Она чувствовала его частое дыхание. Знакомое. Казалось, что весь мир сжался до размера лавочки в саду. Птицы замолкли. Еще чуть-чуть и...

И в этот момент у Гаяра зазвонил телефон.

Он дернулся, чертыхнулся и достал мобильный.

– Прости. Работа. Срочная.

Их снова разделили метры. Кира осталась сидеть одна, провожая его взглядом. Волшебство кончилось.

– Черт бы тебя побрал, Сафин, – прошипела ему вслед, а потом резко подскочила и направилась в мастерскую.

Внутри пахло краской, растворителем и... одиночеством. Кира закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной и медленно съехала на пол. «Совсем с ума сошла. Дура! Ты чуть не поцеловала его», – стучало в висках.

Внутри все смешалось, как гуашь в палитре. Дышать стало тяжело.

Она смотрела на мольберт с чистым холстом. Он был такой же пустой, как и ее жизнь... до сегодняшнего дня.

Перед глазами стояло лицо Гаяра. Настоящее. Без маски. Кира вскинула подбородок и поднялась. Взяла кисти, достала тюбики с маслом. Надела фартук.

Столько месяцев она не знала, что нарисовать. Не могла, не хотела, не получалось. Но сегодня поняла, что творческому застою пришел конец...

****

Два месяца спустя...

Кира шагнула назад и придирчиво взглянула на холст. Она всегда писала маслом плотно, не жалея красок, но сейчас мазки были более тонкими, аккуратными. Сменив воду в банке, она снова взяла кисть и сделала несколько финальных штрихов.

После долгого перерыва Кира смогла закончить работу. Два месяца она почти не выходила из мастерской. Волосы и кожа пропахли растворителем и маслом так, что даже шампунь и духи до конца не убирали их запах. На переднике добавилось несколько свежих пятен.

С холста на нее смотрели черные глаза Гаяра. Теплые. Ранимые. Они преследовали ее даже во сне.

Дверь со скрипом распахнулась. Кира вздрогнула от неожиданности и обернулась.

– Ну вот, – расстроенно проговорила она, пытаясь спрятать картину за спиной. – Ты испортил весь сюрприз на годовщину свадьбы!

– Прости, – виновато улыбнулся Гаяр и протянул букет орхидей. В этот раз нежно-розовых. – Это тебе.

Кира взяла цветы и едва коснулась губами его щеки. За работой она и забыла, что сегодня пятница. Гаяр опешил от поцелуя, пусть и такого невинного.

Кира старалась быть добрее и мягче с ним. Словесные перепалки сошли на нет. В доме стало гораздо спокойнее.

– Какой-то я тут странный... – кивнул он в сторону портрета.

– Ничего не странный. Если не нравится, я повешу его в галерее.

– Нравится. Просто непривычно видеть себя таким. Когда я смогу забрать его?

– Когда масло высохнет, и в багетной мастерской сделают раму.

– Ясно. Ты все?

– Да, – она по привычке убрала кисть за ухо, испачкав волосы.

– Тогда собирайся, у меня тоже есть сюрприз для тебя, – он сделал шаг назад.

– Какой? – Кира прижала букет к груди.

– Увидишь. Час на сборы. Форма одежды парадная, – ласково сказал Гаяр и покинул мастерскую.

Кира собралась и, не выпуская орхидеи из рук, поспешила следом. В коридоре встретила Аллу и отдала ей букет. Быстро поднялась в спальню и зашла в ванную. Она хотела побыстрее смыть с себя запах растворителя и остатки краски. Раздевшись, ненадолго задержалась перед зеркалом.

– Да уж, ну и видок, – скептически пробормотала Кира своему отражению.

На руках, шее и щеках – краска, на голове не пучок, а птичье гнездо. Вздохнув, включила тропический душ и шагнула под теплые струи. Вода смывала масло, усталость и остатки напряжения.

Два месяца Кира училась жить заново. Заново дышать рядом человеком, который уже не казался ей чужим. Нужно отдать должное и Гаяру. За это время он ни разу не напомнил о договоре, не требовал близости, не заходил в спальню, когда она переодевалась. Когда она страдала от бессонницы – заваривал чай с мятой, обнимал и гладил по голове или же веселил ее, чтобы скрасить ночь. В темноте Кира ловила на себе его взгляд и думала: «Сколько же у тебя терпения, Сафин...?»

Выключив воду, она завернулась в большое махровое полотенце и вышла из душа. Протерла рукой запотевшее зеркало и улыбнулась. Сейчас отражение ее радовало. Без макияжа, с мокрыми волосами и легким румянцем на щеках – не идеальная, но без пустоты в глазах.

Высушив волосы, Кира нанесла немного туши и чуть-чуть блеска для губ. Потом прошла в спальню и достала из шкафа платье – темно-синее, до колена, с закрытой спиной и вырезом-лодочкой. Оно не было откровенным. Оно было элегантным. Подчеркивало все достоинства ее фигуры и оттеняло медь волос. Бежевые туфли на высоких каблуках идеально дополнили образ.

Напоследок Кира еще раз взглянула на себя в зеркало и спустилась в гостиную. Гаяр стоял у камина и ждал ее. В черном костюме, без галстука, верхние пуговицы белоснежной рубашки, наглаженной до хруста, расстегнуты. Увидев ее, он замер, как мраморное изваяние.

– Что? – смутилась Кира. – Что-то не так? Не нравится? Мне пойти переодеться?

Он медленно подошел к ней, взял за руку и покружил, как в танце на их свадьбе.

– Все так. Более чем. Ты прекрасна, – Гаяр притянул ее к себе и обнял.

Кира смутилась, но не оттолкнула его. Наоборот, ей теперь нравилось утопать в его сильных руках. Как той ночью, когда он просто обнимал ее и успокаивал.

Сафин чуть отстранился, провел пальцем по ее губам и сделал серьезное лицо.

– Поехали. Сюрприз ждет.

Они вышли из дома и сели в «Майбах». Водитель плавно тронулся с места. За окном замелькали фонари, редкие дома и деревья. Кира не спрашивала, куда они едут. Раньше ей было важно знать. А сейчас – нет. С Гаяром она ничего не боялась.

Машина свернула на набережную. Огни отражались в воде – дрожали и расплывались, как акварель. Водитель подъехал к причалу и заглушил двигатель.

У пирса их ждала яхта. Белая, большая, подсвеченная снизу неоново-синим цветом, будто не плавала, а парила над водой.

Гаяр вышел первым и открыл ей дверцу.

– Идем, – улыбнулся он и протянул руку.

– Ты решил меня утопить? – усмехнулась она, ступая по скользкому трапу.

– Если бы хотел, давно бы это сделал, – серьезно ответил Гаяр. – Пока накормлю. А там посмотри, – полуулыбка тронула его губы.

Он повел ее на верхнюю палубу. Там их ждал накрытый столик. Фарфоровая посуда, живые цветы, свечи в стеклянных плафонах. Кира опустилась на стул и улыбнулась.

Судно медленно отчалило от берега.

– Это твой сюрприз?

– Его часть, – Сафин взял бутылку шампанского из ведра со льдом и наполнил бокалы. – Кира, хочу, чтобы ты знала. Мне приятно, что твое отношение ко мне изменилось. Наконец-то я почувствовал, что дома меня ждет жена. И хочу, чтобы так и продолжалось. А еще хочу, чтобы секс у нас был тогда, когда ты сама этого захочешь. Не потому, что это написано в договоре, понимаешь? По-настоящему.

Кира опустила глаза. В горле встал ком.

– А если я никогда не захочу? – шепотом спросила она.

– Значит, так тому и быть, – он пожал плечами. – Я буду дарить тебе цветы, делать кофе по утрам, спать в одной постели. Но не больше. Тут важно другое.

Она подняла на него глаза. В его взгляде не было ни обиды, ни вызова. Лишь усталость и спокойствие человека, который перегорел и решил: пусть лучше так.

Кира протянула руку через стол и сжала его пальцы.

– Спасибо, – сказала она. – За все.

Он накрыл ее ладонь своей, поднес к губам и поцеловал. Долго, бережно, как целуют что-то очень дорогое и хрупкое.

– Не за что.

Они ужинали под плеск воды и звон бокалов. Болтали о каких-то пустяках: о детстве, о ее картинах, о том, как пахнет море и почему чайки так громко орут. Официант приносил новые блюда, менял посуду. Они рассмеялись, когда тот перепутал десерты и принес не то, что заказывали, так еще и разные – Гаяр настоял, чтобы Кира попробовала оба.

Потом заиграла приятная музыка. Сафин пригласил ее на танец. Они танцевали, тесно прижавшись друг к другу. Кира слышала, как бьется его сердце. Она положила голову ему на грудь и не хотела ее убирать.

Ночь была тихая и теплая. Они плавали до рассвета, и только когда начало светать, яхта развернулась и поплыла обратно. Гаяр стоял у леера на корме и смотрел на водную гладь. Его профиль четко вырисовывался на фоне розовеющего неба.

Кира украдкой поглядывала на него и чувствовала тепло в душе. Затем подошла чуть ближе и, прежде чем успела подумать, обвила его шею руками. Гаяр не сразу понял, что происходит.

А когда она прижалась к нему сильнее и поцеловала – растерялся. Поцелуй был совсем другим. Не робким. Не вынужденным. Кира целовала его, потому что хотела. И сама боялась себе в этом признаться.

– Не торопись, – выдохнул Гаяр ей в губы, но не отстранился.

– А я не тороплюсь, – прошептала она.

На причале их ждал водитель. Кира продрогла, и Гаяр отдал ей свой пиджак. В машине она сама забралась в его объятия и положила голову на плечо. Хорошо. Тепло. Спокойно. Безопасно.

Она задремала, а когда открыла глаза – «Майбах» уже стоял у дома. Гаяр отвел ее внутрь, нежно придерживая под локоть.

В прихожей Кира скинула туфли и босиком пошла на кухню. Сафин прошел следом.

– Кира, – позвал он, когда она стояла и пила воду прямо из горлышка бутылки.

Он стоял в дверях, в уже расстегнутой рубашке, со взъерошенными волосами.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя? – спросил тихо. – Я только поэтому согласился на предложение отца «породниться с Ланскими». Меня не заставляли. В отличие от тебя, – шумно выдохнул и продолжил: – Прости, что за все эти два года я не научился правильно относиться к тебе. Если хочешь, завтра же можем подать на развод. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

Кира поперхнулась и уронила бутылку. Вода разлилась по светлому мрамору, но ей было все равно. Два месяца назад она бы ухватилась за эту возможность стать свободной. А сейчас...

Она вытерла мокрые губы ладонью и подошла ближе.

– Не хочу, – ответила она. – Гаяр... Я... Мне хорошо с тобой. Правда.

Гаяр не улыбнулся, не обнял ее в ответ, лишь коротко кивнул и ушел.

Кира осталась на кухне одна. Прислонившись к холодной стене, закрыла глаза и съехала на пол. На плечах все еще лежал его пиджак и пах им – бергамотом и розовым перцем.

«Гаяр – единственный человек, кому я нужна...» – подумала она, утыкаясь носом в лацкан. Пахло не просто его одеколоном – домом. Настоящим, не выдуманным.

Кира поднялась и пошла наверх. Гаяр уже спал, подсунув руку под подушку. Она осторожно поправила одеяло, разделась и прилегла рядом.

Утром ее разбудил странный шорох и какое-то непонятное поскуливание. Кира открыла глаза и спросонья не сразу поняла, где находится. Весь вчерашний день казался ей волшебным сном. Яхта. Ужин. И его глаза напротив.

Гаяра рядом не было – только смятая подушка и скомканное одеяло. Она провела рукой по простыне, которая еще хранила его тепло. Села, протерла глаза и остолбенела.

На пороге спальни сидел щенок. Золотистый, пушистый, с огромными темными глазами и тяжелыми лапами, с которыми еще не знал, как справиться. На шее у него болтался синий бант с маленькой запиской.

Кира спустилась с кровати и присела на ковер. Щенок тут же заковылял к ней. Моментально забрался на руки, норовя лизнуть в лицо. Она аккуратно вытащила записку и развернула ее.

«Ты как-то сказала, что в детстве мечтала о собаке. Я запомнил. Это мальчик. Назови его, как хочешь. Он милый и обаятельный. Как ты».

Кира, не веря своим глазам, прижала щенка к груди. Тот облизал ей все ухо и немного прикусил мочку.

– Мой, – прошептала она, сама не зная – это было о собаке или о Гаяре.

С псом в руках она спустилась в гостиную. Сафин стоял у окна с чашкой кофе и делал вид, что ничего не слышит и не замечает. Но Кира видела легкую улыбку на его губах.

– Гаяр, – позвала она, опуская щенка на пол.

Он обернулся. Пес уже шагал к нему, путаясь в лапах.

– Это что? – спросила она.

– Собака, – невозмутимо ответил он. – Я думал, ты знаешь.

– Я не про собаку. Я про... Ты запомнил!

Гаяр подошел, взял ее за руки, не обращая внимания на щенка, который принялся грызть его штанину.

– Я все про тебя помню, – сказал он. – Каждое слово. Каждую мелочь. Даже то, что ты сама забыла.

– Я мечтала о нем, когда мне было семь.

– А теперь тебе двадцать семь. У мечты нет срока годности, – Сафин кивнул на щенка. – Пусть охраняет твою мастерскую. А заодно и тебя. Пока меня нет рядом.

Кира не знала, что сказать. Гаяр два года ждал, когда ее ледяное сердце оттает, показывал, пусть и неумело, как она ему нужна. Просто так. Без отсылки к договору.

– Спасибо, – прошептала Кира.

– Не за что.

Они стояли в гостиной, на залитом солнцем ковре, тесно прижавшись друг к другу. Щенок носился по комнате, пытаясь поймать собственный хвост.

Кира поймала себя на мысли, что хочет стоять так вечно. Ей не нужна другая жизнь. И не нужен другой муж. Она хочет быть с ним. И с этим золотистым комком шерсти, который врезался в горшок с фикусом и опрокинул его.

– Кажется, я купил дворнягу, – Гаяр закатил глаза. – Интересно, у него точно есть мозг?

– У него есть сердце... Как у тебя.

И почему-то Кире показалось, что это было самое правильное, что она сказала ему за два года.

Глава 3

– Блум! Блум! – звала Кира, заглядывая под каждый куст в саду. – Да куда же ты делся, несносный пес?

– Кира Васильевна, – голос охранника застал ее на четвереньках около пионов. – Я просмотрел записи с камер: за пределы ворот собака не выбегала.

– Он когда-нибудь сведет меня с ума, – обреченно вздохнула она, поднимаясь на ноги. – Ладно, есть захочет – придет.

Кира отряхнула землю с коленей и направилась в дом. Гаяр должен был скоро вернуться с работы. После свидания на яхте прошел месяц. И за это время их отношения стали еще лучше. Она ловила себя на мысли, что скучает по нему, когда его весь день нет дома.

Неделю назад он улетал по делам. Когда вернулся, Кира встретила его в аэропорту – больше не могла ни часа ждать его. И сюрприз удался. Гаяр явно не ожидал увидеть ее в машине. Она улыбнулась и первая взяла его за руку, как только он сел рядом.

И вот сейчас нервно поглядывала то на часы, то в окно в ожидании, когда черный «Майбах» покажется на подъездной дорожке.

Машины не было.

Кира набрала номер Гаяра в четвертый раз за последние полчаса. Гудки, гудки, а потом «абонент недоступен». Она положила телефон и снова подошла к окну. На улице стемнело. Блум нашелся и мирно спал где-то в доме, пережидая жару. Где же Гаяр? Раньше она не волновалась. А сейчас...

Она не просто волновалась. Боялась за него.

Телефон завибрировал. Кира схватила его и разблокировала экран. Это было сообщение от начальника охраны: «Господин Сафин только что въехал на территорию коттеджного поселка». Она облегченно выдохнула и выбежала на крыльцо.

Черный «Майбах» уже парковался перед домом. Двигатель замолк. Дверца открылась. Гаяр вышел из машины. Уставший, но целый. В руках – огромный плюшевый медведь. От этого нелепого зрелища у Киры дернулись губы, и в глазах предательски защипало. Она слетела по ступенькам раньше, чем он успел сделать шаг. Бросилась к нему, повисла на шее и уткнулась носом в дорогой пиджак, пропитанный ароматом бергамота.

– Тише, тише, – он обнял ее свободной рукой, второй все еще прижимая мишку. – Что случилось?

– Ты не отвечал, – глухо сказала она в его плечо. – Три часа. Я звонила, а ты...

– Я был на переговорах. Потом телефон разрядился, а зарядка в машине сломалась, – он поцеловал ее в макушку. – Прости, что не предупредил.

– Нет, Сафин. Я чуть с ума не сошла! – голос Киры дрогнул.

Гаяр отстранился и взглянул ей в глаза. В янтаре блестели слезы. Губы его тронула виноватая улыбка.

– Не злись, родная.

– Вы все решили меня довести! И Блум туда же. Я долго не могла его найти, – всхлипнула она.

– Но нашла?

– Сам пришел, спит в прихожей. А это что? – Кира кивнула на игрушку.

– Ехал мимо детского магазина. Увидел в витрине. Подумал, что Блуму нужен плюшевый друг. Или тебе. Можешь спать с ним или отдать на растерзание мохнатому чудовищу.

Кира не выдержала и рассмеялась:

– Ты купил плюшевую игрушку взрослой женщине?

– Ты еще такой ребенок, – вздохнул он. – А дети любят игрушки.

Она взяла из его рук коричневого увальня с пуговичными глазами и вдруг почувствовала, как по всему телу разливается тепло. От макушки до кончиков пальцев.

– Я думала, что с тобой что-то случилось, – тихо призналась она. – Глупо, да?

– Нет, – Гаяр сжал ее ладонь. – Не глупо. Я тоже волнуюсь, когда ты уезжаешь из дома. Давай договоримся: если я долго не отвечаю – звонишь сразу Мурату. По рукам?

– По рукам, – кивнула Кира.

Она выпустила подарок из рук и крепко обняла Гаяра. Из дома выскочил Блум. Увидев плюшевого мишку, ухватил его зубами и уволок.

– Ну все, кажется, медведю конец, – усмехнулся Сафин.

– Точно. И часу не пройдет, как мишка останется без уха, – хихикнула Кира.

Она взяла Гаяра за руку и повела в дом.

– Ты голоден?

– Немного. Партнеры выбрали ужасный ресторан.

– Тогда прошу к столу. Сегодня у нас в меню итальянская кухня. Федор приготовил лазанью и еще что-то.

Гаяр остановился, притянул ее к себе и поцеловал. Кира зажмурилась от удовольствия. Наконец-то она наслаждалась теплом его губ.

– За что мне такое счастье привалило? – прошептал он.

– Даже не знаю... – она кокетливо наклонила голову. – Пойдем. Алла уже накрывает на стол.

Кира пошла в столовую. Домработница уже накрыла стол – белая скатерть, фарфор, хрусталь и свечи. Алла бесшумно появилась с бутылкой вина, налила в бокалы и так же бесшумно исчезла. Гаяр не притронулся к еде – смотрел на Киру.

– Что? – с недоумением спросила она, делая глоток.

– Ничего, – он тоже поднял бокал. – Ты сегодня необыкновенно красива.

– Да ладно? В джинсах и майке? Ты мне льстишь.

– Ни капли. Ты прекрасна.

Кира улыбнулась и поставила бокал на стол.

– Когда ты отдашь мне мой портрет? Я хочу повесить его у себя в офисе. Ты не против?

– А с чего я должна быть против? Твой портрет – делай что хочешь.

– Кира, – он взял вилку, – если тебе что-то не нравится – скажи.

– Теперь мне нравится все. Что ты делаешь. Как ты... – она запнулась. – Как ты относишься ко мне.

– Я всегда был таким. Ты просто не замечала. По-другому не умею, – пожал плечами он.

Дальше ужинали молча. Иногда Кира ловила на себе влюбленный взгляд Гаяра. Закончив, взяла его за руку и переплела пальцы. Подумала: «Странно. Почему же раньше меня кидало в холодный пот от его прикосновений? А сейчас так хорошо».

Потом они прошли в гостиную. Гаяр распахнул окно и вдохнул свежий воздух. Кира устроилась на диване и листала журнал. Он присел рядом и положил руку ей на коленку.

– Мои родители прилетают через три дня, – сообщил он. – Погостят немного. Распорядись, чтобы приготовили гостевую спальню.

– Конечно. Завтра Алла все сделает, – она чуть поморщилась.

Чувствовала: деньки предстоят «веселые».

Отношения со свекровью у Киры складывались не самые теплые. Динара Ринатовна явно недолюбливала ее и не доверяла. И если раньше это мало волновало, то сейчас ей не хотелось расстраивать Гаяра их словесными перепалками, где каждое слово было пропитано ядом. Хотя, кого она обманывала? Терпеть эту женщину она не собиралась.

– Я хочу тебя попросить, – он нежно провел рукой по ноге. – Постарайся одеваться не так откровенно при маме. Она никак не смирится с тем, что я не придерживаюсь наших традиций, и моя жена... Ну, в общем, ты поняла.

Кира медленно отложила журнал. Глаза ее, только что светившиеся мягким янтарем, стали холодными и колючими.

– Откровенно? – ледяным тоном переспросила она. – Она никак не может забыть мое свадебное платье? С каких пор моя одежда стала откровенной? Джинсы и футболка? Или сарафан? Ты хочешь, чтобы я нацепила платок и ходила с опущенными глазами?

– Я не это имел в виду, – он убрал руку. – Просто мама привыкла к определенному...

– Ханжеству? – Кира поднялась с дивана. – Гаяр, я все понимаю, но менять гардероб из-за твоей мамы не буду. Она не может диктовать мне, как одеваться.

Гаяр вздохнул и провел ладонью по лицу.

– Никто и не диктует. Просто я прошу тебя. Ради меня.

– Тогда стоило просто сказать: «Кира, дорогая, на время визита моей мамы не надевай ничего такого, что вызовет у нее сердечный приступ». И я бы подумала, – она скрестила руки на груди и надула губы. – А теперь не буду!

– Сделаешь мне назло? – его взгляд потяжелел.

– Именно! – отрезала Кира и шумно выдохнула.

По лицу Гаяра было понятно: он уже пожалел, что начал этот разговор. Он хотел подойти и обнять, но Кира отступила на шаг.

– Я зла на тебя! Не делай так. Мне неприятно.

– Прости меня, – тихо проговорил он. – Мне не стоило лезть в твою одежду.

– Вот! Ты и сам все понимаешь.

Кира все еще дулась, но уже не отступала, когда он взял ее за плечи.

– Я люблю тебя, – он сказал это так искренне, что ее сердце забилось чуть быстрее.

– Даже когда я злюсь? – она удивленно подняла брови.

– Особенно, когда ты злишься, – ответил он, касаясь ее губ своими.

– Тогда поцелуй меня, по-настоящему, – прошептала она.

И он поцеловал. Сначала мягко, невесомо, а потом все сильнее и сильнее. Кира вцепилась в его шею. Поцелуй стал глубже. Гаяр скользнул рукой под ее майку, а потом резко отстранился.

– Извини, мне не стоило. Я же обещал, – виновато проговорил он.

Она посмотрела на него чувственно, внимательно. Так, как раньше никогда не смотрела. Низ живота предательски заныл. Она сама взяла его руку и вернула на место.

– Продолжай.

– Ты уверена?

– Ты же сказал: если я сама захочу, – Кира вздернула подбородок. – Так вот, я хочу. Сейчас.

Она взяла его за руку и повела наверх. Блум, дремавший на ковре, поднял голову, вздохнул и снова уронил морду на лапы.

В спальне царил полумрак. Едва переступив порог, Кира заскользила руками по тонкой ткани его рубашки, расстегивая пуговицы. Он просто стоял и смотрел. Одежда быстро полетела на пол. Потом она разделась сама. Встала перед ним и распустила медные локоны, которые водопадом упали на спину и плечи.

Гаяр не двигался. На шее пульсировала вена. Потом он сглотнул – громко, неловко, словно забыл, как дышать. Лунный свет падал из окна косо, полоской. Кира оказалась в ней – обнаженная, с распущенными волосами. Не просто красивая – необыкновенная, настоящая. Он подхватил ее на руки и уложил на кровать поверх покрывала.

– Ты точно уверена? – снова спросил он.

Кира провела руками по его груди – горячей, гладкой, с твердыми мышцами. Раньше она закрывала глаза, чтобы не видеть. Сейчас не могла оторваться.

– Более чем, – она обвила его шею руками и притянула к себе. – Какой же ты...

– Какой?

– Красивый. Почему я раньше этого не замечала?

– Потому что не смотрела, – хрипло ответил он.

Его руки плавно двигались по ее телу – сначала по плечам, потом спустились ниже. Медленно, осторожно, будто спрашивали: можно ли? Кира ловила себя на мысли, что ее тело само тянется к нему навстречу. И это было странно, ново и немного страшно. Страшно от того, что она хочет его прикосновений, хочет его ласки. Два года она сжималась, терпела, считала про себя: «Раз. Два. Три. Девочка, дыши». Но не сегодня.

– Не бойся, – тихо сказал он. – Я не сделаю тебе больно.

– Знаю.

Поцелуи – долгие, глубокие – спускались ниже. Кира закрыла глаза, чтобы до конца погрузиться в ощущения близости. Его губы на ее шее, на ключицах, на груди. Его пальцы, переплетенные с ее, прижатые к подушке. Его дыхание, прерывистое, горячее.

– Не останавливайся, – прошептала она, впиваясь ногтями в его плечи.

Гаяр и не собирался. В какой-то момент ее накрыло волной – резко, жарко. Стало слишком хорошо. Она вскрикнула. Громко, бесстыдно. И ей было все равно, если их услышат. Потому что это ее выбор. Ее желание.

Кира вцепилась в его спину и не отпускала, чувствуя, как их тела дрожат. Сердце колотилось так, что казалось – вот-вот проломит ребра.

Гаяр приподнялся на руках, перекатился на бок и притянул ее к себе.

– Ты плачешь? – обеспокоенно спросил он, проводя рукой по ее лицу.

Кира дотронулась до своей щеки – она была мокрая.

– Я не знаю, откуда это, – удивилась она. – Я не грущу. Мне... хорошо. Слишком хорошо.

– Я впервые в постели довел женщину до слез, – он поцеловал ее в висок. – Ты в порядке, точно?

– В полном. Честно. Я впервые получила удовольствие от занятия любовью.

– Как ты сказала? – Гаяр поднялся на локте и заглянул ей в глаза.

– От занятия любовью, – повторила Кира. – Теперь это не «святая обязанность», а...

Гаяр усмехнулся, но усмешка вышла грустной.

– Бедная моя девочка. Сколько же ты терпела.

– Два года, – сказала она. – Но я сама дура.

– Нет, ты не дура.

Он укрыл ее одеялом, прижал к себе. Кира чувствовала, как по телу разливается истома — приятная, теплая, сладкая, как топленое молоко. Она провела пальцем по его груди, рисуя незамысловатые узоры.

– Знаешь, – сонно пролепетала она, – мне нравится, как ты пахнешь. Раньше меня бесил твой запах. А сейчас я не могу им надышаться.

– Странное признание после секса, – хмыкнул Гаяр.

– Ни капельки, – Кира зевнула, поудобнее устраиваясь на его плече. – Ты пахнешь домом. Настоящим.

Он хотел было ответить, но Кира быстро уснула и сладко посапывала.

Гаяр еще долго смотрел на нее, играл с рыжими кудрями, целовал каждую прядь. Он никак не мог поверить, что все происходящее – не сон. Как же долго он ждал этого дня. Злился, специально говорил колкости, не зная, как достучаться до нее. А ведь на самом деле нужно было просто показать, что она нужна. Не дорогими подарками, а отношением. Не покупать, а заботиться.

Он медленно погрузился в сон. Блум, так и не дождавшийся внимания, вздохнул на своем коврике и уткнулся носом в плюшевого медведя с оторванным ухом. Луна мягко светила в окно, бросая полоски света на спящих в обнимку людей. Казалось, даже воздух пропитался надеждой услышать «Я тебя люблю».

***

Три дня пролетели незаметно. Кира наслаждалась новым чувством, которое наполняло ее. Ее сердце трепетало, стоило только Гаяру войти в комнату. Она ловила его взгляды, купалась в его любви. Новое, нежное чувство разливалось патокой в ее сердце.

Блум окончательно признал в Гаяре вожака и спал только с его стороны кровати. Плюшевый медведь перекочевал к Кире в мастерскую. Она пришила ему оторванное ухо, и теперь игрушечный зверь восседал на стуле рядом с мольбертом. А собака получила другую игрушку.

– Ты готова? – спросил Гаяр утром в день прилета родителей.

Он брился, стоя перед зеркалом, а Кира сидела на краю ванны и водила ногами по коврику.

– К чему?

– Ко встрече с родителями. С мамой.

– Тоже мне событие, – фыркнула она.

Гаяр повернулся, пена с его скулы капнула на пол.

– Кира, я прошу тебя. Не нарывайся. Только не сегодня.

– Что? – она приподняла бровь. – Я ничего не собираюсь делать.

– Ты уже делаешь, – усмехнулся он. – У тебя лицо маленькой шкодницы. Признавайся, какую пакость задумала?

– Не выношу токсичных людей, – она зло сверкнула глазами. – Твоя мать – как Жанна.

– Но она моя мама, – напомнил Гаяр, нежно касаясь ее подбородка. – Родная, ради меня.

– Если только она не будет меня провоцировать, – парировала Кира.

Гаяр закатил глаза и молча добрился. Одевшись, поехал в аэропорт встречать родителей.

Спустя два часа Кира услышала хруст гравия под колесами и вышла встречать гостей на крыльцо. Решила все-таки не начинать конфликт с порога, надев белые широкие брюки, тонкую шифоновую блузку в тон и туфли на небольшом каблуке.

Первым из машины вышел Гаяр. Затем показалась толстая щиколотка ее свекрови. И вот уже около машины стояла Динара Ринатовна в свободном темно-фиолетовом платье в пол и с шелковым платком на голове. Ее губы сжались в тонкую нить при виде невестки, но она промолчала.

Следом вышел свекор, Азат Шарифович. Он приветливо помахал Кире и улыбнулся, после чего подошел и обнял. Со свекром всегда легко. К Кире он относился хорошо и не скрывал этого.

– Здравствуй, Кира. Прекрасно выглядишь, – его усы пощекотали ее щеку.

– Добро пожаловать, – улыбнулась она в ответ.

Динара Ринатовна смерила ее неодобрительным взглядом. Гаяр одними губами прошептал: «Только не начинай». Кира в ответ лишь лукаво сверкнула глазами.

– Кира, – сухо кивнула свекровь. – Красивая блузка.

– Спасибо.

Гаяр подошел и обнял Киру за талию. Она, недолго думая, впилась в его губы, что вызвало тяжелый вздох Динары Ринатовны.

– Сынок, ну не на людях же, – прошипела она.

– Динара, успокойся. Они молодые, пусть милуются, – сгладил напряжение Азат Шарифович, похлопав сына по плечу.

Они прошли в гостиную. Алла подала чай с легкими десертами. Гаяр старался разрядить обстановку. Много говорил о работе, о планах на отпуск. Кира молчала, сжимая чашку двумя руками.

– Кира, ты сменила мебель? – Динара Ринатовна скептически обвела взглядом комнату. А потом, когда услышала поскуливание Блума, вскочила с кресла. – У вас собака?!

– Подарок Гаяра, – Кира с нежностью посмотрела на мужа.

– И это существо живет с вами в доме? – глаза свекрови приняли форму шаров и едва не выкатились из орбит.

– Это не существо, а щенок, – ледяным тоном поправила она.

– Мама, ты, наверное, хочешь отдохнуть с дороги? Гостевая спальня готова. Могу проводить, – осторожно предложил Гаяр.

– Кадерлем, бу ачу китергеч!

Кира не поняла, что сказала свекровь, но тон ей не понравился. На языке вертелся язвительный ответ, но вместо него она со звоном поставила чашку на столик и поднялась с дивана.

– Я прошу прощения, у меня с утра болит голова. Я пойду прилягу.

– Дочка, может, врача? – забеспокоился Азат Шарифович.

– Нет, – покачала головой Кира. – Просто сегодня у нас как-то душно. Сейчас выпью таблетку, и все пройдет. Еще раз прошу прощения.

Пока она поднималась по лестнице, из гостиной долетали обрывки фраз на татарском. Свекровь не унималась, пока Гаяр резко не осадил ее. Кира довольно улыбнулась и закрыла дверь в спальню. «Старая жаба. Ну ничего, вечером тебя ждет сюрприз», – подумала она, уже лежа в кровати.

Гаяр поднялся через полчаса. Тихо притворив за собой дверь, он подошел к кровати и присел рядом.

– И что это было? – спросил он.

– Ничего. Я же обещала вести себя прилично. Поэтому ушла, – Кира перевернулась на бок. Потом потянула его за галстук, заставляя прилечь.

Ее пальцы начали играть с пуговицами его рубашки. А потом скользнули к брюкам. Гаяр напрягся и тяжело задышал.

– Прекрати, пожалуйста, – выдохнул он. – В доме мои родители.

– А я разве делаю что-то противозаконное? – томно проговорила она ему в шею.

– Кира, пожалуйста, – он резко вскочил с кровати.

– Ну как хочешь, – раздосадованно сказала она. – Тогда я переоденусь.

Она встала и начала медленно расстегивать блузку. Гаяр смотрел на нее, не отрываясь. Тонкий шифон упал на пол, потом туда же сползли брюки. Кира перешагнула через них и в полупрозрачном белье продефилировала к шкафу. В зеркале она видела, как почернели его глаза, и внутри довольно улыбалась.

Гаяр в два больших шага оказался рядом и сгреб ее в охапку своими сильными руками. Дальше – как в тумане. Она помнила только его пальцы, сминающие кружево, его горячее дыхание, обжигающее шею, и собственный смех – счастливый, почти безумный. Когда они, наконец, оторвались друг от друга, часы показали шесть часов вечера. Он лежал на спине, тяжело дышал и никак не мог прийти в себя.

– Ты убьешь меня когда-нибудь, – прохрипел Гаяр.

– Но ты умрешь счастливым, – Кира поцеловала его в подбородок и выскользнула из объятий. – Можно вернуть, как было.

– Только попробуй, рыжая совратительница! – притворно возмутился он. – Впервые я так счастлив, что дышать не могу. Ты куда?

– В душ. Нужно подготовиться к ужину, – ответила она, скрываясь за дверью в ванную.

– Мне не нравится это твое «подготовиться», – Сафин приподнялся на локте, и в его глазах мелькнула тревога. – Кира! Стой!

Но она уже не отвечала. В ванной зашумела вода. Кира не торопилась. Долго стояла под горячими струями, закусывая нижнюю губу и вспоминая ласку мужа. Потом сушила волосы, делала макияж – яркий, чувственный, с черными «стрелками» и алой помадой. Гаяру нравился такой цвет помады, но красила губы она редко.

Снизу доносился звон посуды – Алла накрывала на стол. Кира довольно подмигнула своему отражению и пошла к шкафу. Она передвигала вешалки, пока наконец не нашла то самое платье в чехле из итальянского бутика. Они с Гаяром летали в Милан зимой. Ей было скучно ждать его в номере, поэтому она с радостью тратила его деньги, скупая все, что понравилось в магазинах.

– Вот и пришло твое время, – сказала вслух и усмехнулась.

Платье село как влитое – черное, короткое, облегающее бедра, оно открывало плечи, ключицы и ложбинку между грудей. Туфли-лодочки на высоких шпильках добавили роста и сделали походку еще более женственной.

– Ну что, старая жаба, – Кира подмигнула своему отражению. – Добро пожаловать!

Она слышала, как внизу хлопали двери, как разносились торопливые шаги Аллы и ее голос: «Кира Васильевна сейчас спустится».

А Кира ждала. Не выходила.

Наконец, когда она услышала возмущенную татарскую речь, на носочках вышла из спальни и спустилась. Замерев у двери в столовую, внимательно вслушалась. Свекровь говорила на повышенных тонах. Гаяр спокойно отвечал ей, слава Богу, на русском:

– Мама, она скоро будет.

Кира выждала еще пару минут, а потом толкнула дверь и вошла. Все повернулись в ее сторону. Она шла медленно, слегка виляя бедрами, давая Динаре Ринатовне сполна оценить свой внешний вид. Потом с невозмутимым видом опустилась на свое место по правую руку от мужа.

Гаяр замер с бокалом в руке. Он не заметил, как опасно наклонил его, и вино плеснуло на белоснежную скатерть. Взглядом прошелся по ней от макушки до пяток. Задержался на вырезе. Его челюсть слегка отвисла, а потом сжалась так, что заиграли желваки.

– Господи, – бесшумно выдохнул он.

Его рука инстинктивно сжала край стола так, что побелели костяшки.

Динара Ринатовна побледнела, как известь. Ее губы совсем потерялись на круглом лице. Она посмотрела на невестку так, словно та пришла обнаженной. Рука машинально начала поправлять брошь на платке.

Азат Шарифович кашлянул и уставился в тарелку. Уголки его губ предательски дрогнули – он явно пытался спрятать улыбку в усах.

– Ты опоздала, – грубо резанула свекровь.

– Простите, – Кира неторопливо начала расправлять салфетку. – Никак не могла выбрать наряд.

– Наряд? – Динара Ринатовна поджала губы. – Это, по-твоему, наряд?!

– Да. Вечернее платье, – Кира откинула волосы назад, еще больше открывая плечи. – У нас же праздничный ужин в честь вашего приезда. Да, дорогой? – она повернулась к Гаяру.

Он под столом накрыл ее колено ладонью и предупреждающе сжал. Но Киру уже было не остановить.

– В моем доме не принято выглядеть как... – свекровь на секунду запнулась, подбирая правильное слово.

– Как кто? – Кира приподняла брови. – Как молодая, красивая женщина – хозяйка этого дома?

– Ты здесь не хозяйка!

– А вот тут вы ошибаетесь, – Кира взяла бокал с шампанским и сделала глоток. – Вы гостья. Дорогая гостья. А я – жена вашего сына и, соответственно, хозяйка здесь я. И, прошу заметить, сплю с ним в одной постели.

Азат Шарифович крякнул и потянулся к перечнице, явно желая оказаться подальше от этой словесной перестрелки.

– Кира, – подал голос Гаяр, интонацией моля ее прекратить.

– Что? – она переключила свое внимание на него. – Разве я не права, любимый?

– Любимый?! Давно ли? – Динара Ринатовна задрожала и бросила вилку на тарелку. – Сынок, почему твоя жена так со мной разговаривает?! Как ты позволяешь такое неуважение к собственной матери?!

– Мама, Кира одевается так, как считает нужным. Мне нравится.

– Н-н-но, Гаяр! – свекровь затрясло.

– Мне нравится, – уже жестче повторил он.

– Это самый настоящий вызов!

– Не нужно диктовать мне, как одеваться, – сквозь зубы процедила Кира.

– Вы решили довести меня до инфаркта! – Динара Ринатовна едва не перешла на крик.

– У вас слишком крепкое здоровье для инфаркта, – мило заметила Кира, делая очередной глоток шампанского.

Дальше ужинали в гробовой тишине. Азат Шарифович жевал утку и старательно не поднимал глаз. Динара Ринатовна ковыряла в тарелке. Ее пышная грудь так сильно вздымалась, что казалось: еще чуть-чуть, и ткань платья затрещит по швам. Гаяр тоже молчал, но руку с коленки не убрал.

А вот Кира ела с аппетитом – нервная обстановка требовала подкрепиться.

– Десерт я не буду, – Динара Ринатовна встала из-за стола. – Сынок, проводи меня в комнату, пожалуйста.

Гаяр вздохнул и поднялся. Наклонился к жене и прошептал:

– Ты сегодня...

– Знаю, – перебила Кира. – Бесподобна.

– Сводишь с ума, – поправил он и чмокнул ее в висок.

Потом ушел вслед за матерью.

Азат Шарифович отодвинул тарелку и усмехнулся:

– Кира, Динара не простит тебе это платье.

– А мне и не надо, – спокойно ответила Кира.

– Чувствую, время мы проведем... незабываемо, – подмигнул он. – Спокойной ночи, невестка.

Азат Шарифович вышел, оставив Киру одну. Блум осторожно проскользнул внутрь, подошел и положил морду на колени. Наверху хлопнула дверь. Послышались приглушенные резкие выкрики Гаяра и его матери. Опять на татарском.

Кира вздохнула, взяла бокал и вышла в сад. Ночь стояла теплая. Дневная жара отступила, принеся долгожданную прохладу. Она села в плетеное кресло, закинув ногу на ногу. Усталость навалилась и давила на плечи.

Родители Гаяра собирались пробыть у них неделю. «Семь дней, твою мать!» – возмущалась она про себя.

Гаяр нашел ее спустя полчаса.

– Ты долго, – сказала она, не оборачиваясь.

– Мама хотела, чтобы я заставил тебя извиниться... – он подошел сзади, положил ей руки на плечи и начал массировать.

– А ты?

– Отказался, – он наклонился и поцеловал ее в шею.

Кира обернулась. В лунном свете его лицо казалось уставшим, но глаза горели.

– Ты на моей стороне?

– Я на твоей стороне с момента нашей свадьбы, – он сел рядом и взял ее за руку.

Она не ответила. Молча пересела ему на колени, положив голову на плечо.

Они сидели так долго, наслаждаясь тишиной ночи. Блум устроился в ногах и дергал лапами во сне, будто за кем-то гнался.

Подняв голову, Кира увидела темный силуэт в окне, который наблюдал за ними. Сегодня она выиграла эту битву. И ее победа пахла бергамотом, розовым перцем и шампанским.

Глава 4

– Ты готова? – Гаяр появился на пороге мастерской.

От неожиданности Кира дернулась и сделала жирный кривой мазок.

– Черт! – она отступила на шаг и уставилась на холст. – Ты меня напугал. Теперь придется исправлять.

Кира поджала губы и взяла в руки тряпку, чтобы убрать лишнее масло. Теперь натюрморт, над которым она работала несколько дней, казался ей испорченным. Гаяр подошел ближе и остановился, рассматривая яблоки и темный виноград.

– Прости, – виновато сказал он.

– Да ладно. Не все так безнадежно. – Она легким, уверенным движением руки стерла свою неаккуратность. – Но все равно ты виноват.

– Конечно. Даже спорить не буду. Так ты готова или нет? Нам уже пора выезжать. Будет нехорошо опаздывать.

– Сафин, ты же генеральный директор. Без тебя не начнут, – Кира подошла к раковине и включила воду, подставив руки под теплую струю. – Дай мне десять минут. Я приведу себя в порядок.

Он кивнул и направился к двери.

Кира осталась у раковины. Красные, синие и фиолетовые струйки кружились и уходили в слив. Когда вода снова стала прозрачной, она выключила кран локтем и вытерла руки. Сняв передник, пошла в дом.

В спальне несколько минут стояла перед шкафом и не могла решить, что надеть. Перебрав почти все вешалки, взглядом зацепилась за белые льняные брюки и топ с открытыми плечами цвета топленого молока. Ничего лишнего – просто и изысканно. Сбросив рабочую одежду, быстро переоделась и сунула ноги в плетеные эспадрильи в тон топу.

Волосы наскоро собрала в низкий пучок и несколько раз провела тушью по ресницам. Посмотрев на себя в зеркало, осталась довольна и спустилась в гостиную.

Динара Ринатовна восседала в любимом кресле Гаяра и перебирала белые агатовые четки. Ее толстые короткие пальцы скользили по бусинам, которые, соприкасаясь друг с другом, издавали приглушенный стук. Когда она остановилась на разделительной бусине, звук стал тише.

На последней ступеньке Кира замерла и понадеялась проскользнуть незамеченной, но свекровь будто почувствовала ее. Темные глаза Динары Ринатовны превратились в щелочки, и, казалось, из них сейчас вырвутся два лазерных луча.

– Прекрасно выглядишь, – Гаяр неторопливо вышел из столовой.

Он успел переодеться и выглядел просто потрясающе в бежевых чиносах, тонкой белой рубашке с закатанными до локтя рукавами и коричневых мокасинах. На запястье блестели его любимые смарт-часы.

– Кажется, теперь я понимаю выражение «муж и жена – одна сатана», – легкая улыбка тронула его губы. – Поехали? Марат уже отнес чемодан в багажник. Мам, мы вернемся в воскресенье к вечеру. Не скучайте без нас.

– Какая необходимость ехать на подобные мероприятия? Тем более если в доме гости, – недовольно проговорила Динара Ринатовна.

Ее пухлые пальцы с остервенением заскользили по бусинам. Стук стал резче. Как будто она отсчитывала что-то. Или проклинала. Второе казалось более правдоподобным.

– Мам, увы, я должен там быть. Тимбилдинг важен для компании. Ладно. Нам пора.

Кира молча прошла дальше по коридору и уже взялась за ручку двери, как услышала жалобное поскуливание за спиной. Обернувшись, увидела Блума, лежащего на пороге столо-

вой. Он смотрел на нее своими темными глазами, полными тоски. От этого взгляда у Киры сжалось сердце.

– О, Блум... – Кира отпустила ручку и, подойдя к псу, присела на корточки.

Лабрадор тут же вскочил и уткнулся влажным, прохладным носом в ее руки. Кира обняла его и потрепала за ухом. Потом наклонилась и поцеловала в мохнатую макушку. Пес жалобно заскулил, будто просил: «Не уезжайте или возьмите меня с собой».

– Не грусти, милый. Мы завтра вернемся. А пока – следи за домом. И сам знаешь за кем еще. Остаешься за главного, – прошептала Кира и поднялась.

Гаяр стоял чуть в стороне. Терпеливо ждал. В его глазах мелькнули привычные теплота и обожание. Толкнув входную дверь, он пропустил Киру вперед, после вышел сам. Мурат уже ждал у «Майбаха» с открытой дверцей.

Кира быстро забралась на заднее сиденье. Гаяр сел рядом. Мурат занял свое место и завел двигатель. Машина плавно выехала с территории. Гравий приятно похрустывал под колесами. Внедорожник охраны ехал следом.

Дорога заняла два часа. Гаяр задремал, а Кира смотрела в окно. И вот впереди показалась вывеска загородного отеля.

Кира толкнула мужа в плечо.

– Просыпайся. Приехали.

Гаяр открыл глаза, зевнул и потянулся.

– Долго я спал?

– Всю дорогу. Еще и храпел.

– Врешь.

– Нет, – Кира улыбнулась и поправила воротник его рубашки.

Мурат припарковал машину. Кира не стала дожидаться, пока ей подадут руку, и выпорхнула первой.

Отель располагался на берегу реки в окружении леса. Пахло хвоей и цветами.

– Очень похоже на тот, где у нас была свадьба, – выдала она, осмотревшись.

– Так и есть, – Гаяр едва заметно приподнял уголки губ. – Тот же владелец.

Главный корпус стоял чуть в отдалении. К нему вела аллея, вымощенная камнями, по бокам которой росли аккуратно выстриженные туи.

Кира еще раз глубоко вдохнула и закрыла глаза. Определенно, ей тут нравилось. Жаль, что не взяла с собой мольберт и краски.

У входа уже толпились люди. Кто-то курил, кто-то смеялся, а кто-то пил кофе из бумажных стаканчиков. Она даже узнала некоторых. Менеджеры высшего звена «СафТатНефти». Видела их на других корпоративах и благотворительных вечерах, куда была вынуждена сопровождать Гаяра.

Они с любопытством поглядывали, как Кира под руку с мужем поднимается по лестнице. Женщины рассматривали ее внешний вид. Она была уверена, что мысленно те прикидывают, сколько стоит ее сумочка или серьги.

Гаяр остановился перед входом, чтобы поздороваться и пожать протянутые руки. Его движения были машинальными, отточенными годами, но в том, как он сжимал чужие ладони, чувствовалась его сила и власть.

Заселились быстро. Девушка на ресепшене то и дело кидала восторженный взгляд на Гаяра, чем выводила Киру из себя. Неужели на него всегда так смотрят? Раньше она не замечала. Или не хотела?

Получив наконец долгожданные ключи, они поднялись на последний этаж. Дверь люкса с писком открылась. Номер оказался не просто большим – огромным. Спальня, гостиная, ванная с окном и терраса с видом на лес и реку. Стены и мебель из светлого матового дерева с прожилками.

Кира крутила головой по сторонам, пытаясь рассмотреть как можно внимательнее. Скинув туфли, босиком прошла по мягкому ковру в спальню. Кровать стояла посредине. Простая, высокая, с белым постельным бельем, наглаженным до хруста, и легким цветочным ароматом.

– Нравится? – спросил Гаяр, проследовав за ней.

– Очень... – ответила Кира, направляясь в ванную.

В дверь постучали. Мурат принес чемодан и чехлы с одеждой. Вечером предстоял банкет. Кира с большим удовольствием провела бы вечер наедине с кистями и холстом, но статус обязывал. Поэтому, как только начальник охраны ушел, она открыла чемодан и начала собираться.

Гаяр вышел на террасу и с кем-то разговаривал по телефону. Голос его звучал ровно, поделовому, но иногда проскальзывали резкие нотки. Кира не вслушивалась. Расстегнула чехол и достала платье. Его она тоже привезла из Милана. Темно-изумрудный шелк холодил пальцы.

Она даже и не думала, что наденет это платье хоть когда-нибудь. Купила просто потому, что красивое, и даже не посмотрела на ценник. Повесив его в шкаф, взяла косметичку и ушла в ванную поправить макияж. Тушь. Немного румян. Блеск для губ. Медные волосы рассыпались по плечам. Да, она знала, что хороша. А еще знала, что Гаяр любит, когда волосы распущены и нет лишней краски на лице.

Вздернув подбородок, Кира подмигнула своему отражению и вышла. Гаяр сидел на диване. На его коленях лежал ноутбук, и он что-то настукивал на клавиатуре. Увидев ее, оторвался от экрана.

– Собираешься?

– Да. Гаяр, может, ну его, этот ужин?

– Я бы с радостью, родная, – он вздохнул и снова забегал пальцами по черным клавишам.

Кира прошла к шкафу. Сняла топ и брюки. Аккуратно повесила одежду на спинку стула. Достала платье. Ткань скользнула по телу, обволакивая бедра, талию и грудь. Изумрудный шелк шел ей, как никому другому.

Стук прекратился. Кира медленно застегнула молнию на платье. Знала – Гаяр смотрит на нее. Долго, пронзительно. Он всегда так смотрел в последнее время. Будто боялся, что она может исчезнуть, как и то хрупкое счастье, которое появилось у них.

– Хорошо, что здесь нет мамы, – пошутил он, разглядывая декольте.

– О, ей бы понравилось, – засмеялась Кира. – Особенно его цена.

Она достала из чемодана босоножки от известного бренда: черные, лакированные, на тонкой шпильке. Ноги скользнули в них, как по маслу. Осанка сразу изменилась. Спина вытянулась, подбородок поднялся сам по себе.

Кира подошла к зеркалу и еще раз посмотрела на себя. Мама бы гордилась ею, сама приучала ее одеваться просто и элегантно. На мгновение показалось, что в нос ударил аромат маминых духов: легкий, чуть сладковатый, пудровый, но не могла вспомнить название пузатого флакона с золотой крышечкой. Папа уничтожил все, что напоминало ему о покойной жене.

Порой Кире казалось, что он и ее бы уничтожил, да только рука не поднялась.

– Ты готова? – Гаяр подошел сзади и обнял ее. Его голова легла ей на плечо.

– Готова.

– Дай мне десять минут переодеться, и идем, – он разомкнул руки.

Гаяр быстро переоделся в темно-синий костюм, и они вышли из номера.

Банкетный зал был полон. Собрались сотни людей. Голоса, смех, звон бокалов сливались в единое целое. Пока они шли к своему столику, взгляды скользили по ним, как прожекторы. Кира все никак не могла к этому привыкнуть.

Официант тут же наполнил бокал шампанским. Она села и сделала глоток: холодное и сухое. Как она любит. Сафин с кем-то поздоровался. Она смотрела только на него – как он стоит, как говорит, как держит спину. Он был в своей стихии. Кира ловила себя на мысли, что гордится своим мужем. Почему же она раньше не замечала, какой он особенный?

Ведущий что-то сказал в микрофон, и голоса стихли. Гаяр занял свое место и взял Киру за руку. Холод в его глазах ушел, стоило только им встретиться взглядами.

На сцену вышли барабанщики. Огонь, факелы и четкие удары. Когда шоу закончилось, кавер-группа заиграла что-то из восьмидесятых. Кира начала тихо подпевать им. Гаяр улыбался и сжимал ее пальцы под столом.

– А сейчас предоставляем слово генеральному директору «СафТатНефти» – Гаяру Азатовичу Сафину, – громко проговорил ведущий.

Зал взорвался аплодисментами. Гаяр поднялся, одернул пиджак и направился к сцене.

Кира не могла оторвать от него глаз. Сердце стало биться чуть чаще.

– Дорогие коллеги, партнеры. Друзья! – начал сразу, как только микрофон оказался у него в руках. – Я не буду говорить долго. Вы знаете, терпеть не могу длинные речи.

Зал засмеялся. Гаяр выдохнул, улыбнулся и спокойно продолжил:

– Сегодня я просто хочу сказать спасибо каждому из вас. За работу, терпение и вклад в будущее нашей компании. Вместе мы – сила, и «СафТатНефть» никогда бы не достигла таких результатов без вас. Я горжусь каждым из вас и надеюсь, что наше сотрудничество будет таким же плодотворным и результативным. Еще раз спасибо!

Зал зааплодировал. Громко, долго. Кира хлопала вместе со всеми, пока не покраснели ладони. Она смотрела только на Гаяра. Красивый. Шикарный. Ее.

Поймала себя на мысли, что хочет, чтобы он поскорее закончил. Ей не хватало тепла его руки.

Гаяр вернул микрофон ведущему и прошел к их столику. Сел. Тут же взял ее за руку и переплел пальцы. Заиграла музыка. Тихая, ненавязчивая.

– Потанцуем? – подмигнул Сафин.

– А почему бы и нет? – Кира тут же поднялась и поправила платье.

Гаяр вытащил ее на середину зала. На секунду она почувствовала себя неловко, а потом его рука легла на ее талию, и все прошло.

Танцевали медленно, не по правилам, просто покачиваясь в такт музыке. К ним присоединились другие пары, но для Киры зал был пустым. Она чувствовала ровное дыхание Гаяра на своем виске, аромат бергамота и розового перца и его горячую ладонь.

Музыка закончилась, но они еще какое-то время стояли, тесно прижавшись друг к другу.

– Пойдем в номер? – предложила Кира.

– Устала?

– Надоело. Все только и делают, что смотрят на нас.

– Они в шоке, – подмигнул Гаяр. – Госпожа Сафина не сидит с кислым лицом и танцует со мной.

– Госпожа Сафина... Раньше мне не нравилось, как звучит моя новая фамилия.

– А теперь?

– А теперь кажется, что лучше ее нет...

Гаяр ничего не ответил и повел Киру к выходу. Взгляды все еще липли к ним, как репей. Метрдотель открыл дверь. В коридоре было тихо. Музыка и гомон голосов остались позади.

– Здесь очень красиво, – сказала Кира, когда они проходили мимо окна, за которым темнел лес.

– Я рад, что тебе нравится.

– Пойдем скорее. Я уже мечтаю снять эти доспехи и чертовы туфли.

Когда они вошли в номер, Кира первым делом скинула босоножки и уселась на кровать, с наслаждением вытянув ноги. Гаяр снял пиджак и повесил его на спинку стула.

– Ну что, спать? – он опустился рядом и провел по ее волосам.

– Да... Не люблю толпу. Она утомляет и раздражает, – Кира расстегнула молнию на платье. – Я в душ и спать. И даже не думай приставать ко мне, – строго проговорила она, направляясь в ванную.

Гаяр что-то бубнил в ответ, но шум воды заглушил его голос. Когда она вышла, он развалился на кровати и дремал. Рубашка была расстегнута, обнажая его широкую грудь. Она осторожно прилегла рядом и положила голову ему на плечо. Веки тяжелели. Усталость брала свое. Кира быстро провалилась в сон, слушая биение его сердца, как колыбельную.

Утро следующего дня выдалось серым и туманным. Кира проснулась первой. Посмотрела на Гаяра. Он спал, как убитый, даже ни разу не сменив позу за ночь. Она встала, завернулась в махровый халат и вышла на террасу.

Над рекой стояла дымка. Кира вдохнула густой влажный воздух и облокотилась на перила. Верхушки сосен слегка качались на ветру. Тишина.

Когда проснулся Гаяр, они быстро собрались и пошли на завтрак. Ресторан находился на первом этаже в их корпусе. Пахло свежей выпечкой, яичницей и кофе. Кира выбрала самый дальний столик у окна.

Сафин практически весь завтрак просидел в телефоне, отвечая на бесконечные сообщения. Под конец отложил мобильный и сделал глоток остывшего кофе.

– Какая дрянь, – скривился он.

– Ты прав. Твой кофе вкуснее, – Кира отодвинула полупустую чашку.

– Ничего. Завтра утром приедем домой, и я первым делом сварю нормальный.

– Что у нас дальше по плану?

– Сплав на байдарках.

– Отлично. Попробую утопить пару напыщенных куриц, которые не сводят с тебя глаз, – фыркнула Кира, кивая в сторону соседнего столика.

– Ревнуешь?

– Слишком много чести, Сафин, – она отвернулась к окну и поджала губы.

Гаяр прыснул от смеха, но промолчал. Доедали в тишине.

После завтрака все желающие поплавать на байдарках собрались на причале. Инструкторы раздавали спасательные жилеты, весла и объясняли, как держать равновесие. Кира слушала вполуха. Смотрела на воду и на кувшинки.

– Надевай, – Гаяр протянул ей жилет.

– Я умею плавать.

– Я тоже, но лучше не нарушать правила.

Она закатила глаза, но жилет все-таки надела. Тот оказался ей велик и болтался, как на вешалке, несмотря на то, что Гаяр затянул ремешки на максимум.

– Я похожа в нем на пингвина, – Кира недовольно посмотрела на свое отражение в водной глади.

– Рыжего пингвина, – поправил Гаяр и усмехнулся.

– Сафин! – она нахмурилась и пригрозила ему веслом.

– Давай, пошли к лодкам, – он чуть подтолкнул ее вперед.

Инструктор помог забраться в байдарку. От берега отошли легко. Кира гребла впереди, Гаяр – сзади. Старались держаться ближе к берегу. Первые минуты все шло хорошо. Река несла их медленно, чуть покачивая.

Кира рассматривала кувшинки и даже потрогала одну рукой. Гаяр работал веслом без остановки.

– Да тише ты, – прошипела Кира. – Это же не соревнования. Тут не решается судьба компании.

Гаяр хмыкнул и взмахнул веслом. Байдарка вильнула. Кира выровняла ее.

– Сафин! Осторожнее.

– Я и так осторожен.

– Ну-ну.

Гаяр открыл было рот, но снова закрыл его. Спорить явно не входило в его планы. Река сделала поворот. Течение усилилось. Кира чувствовала, как лодку тянет в сторону. Она выровняла ее снова. И в этот момент Сафин сделал гребок и не рассчитал силу.

Байдарка накренилась. Кира выпустила весло и вцепилась в бортик.

– Выровняй!

Гаяр рванул весло влево, но не успел. Лодка наклонилась еще сильнее. Вода хлынула через борта. Холодная. Окончательно потеряв равновесие, байдарка на секунду замерла, а потом – перевернулась.

Кира ушла под воду. Холод ударил по всему телу. Одежда прилипла и сковывала движения. Волосы закрыли лицо, но она вынырнула. Отфыркалась и первое, что увидела, – перевернутую лодку.

Гаяр был чуть дальше. В глазах – растерянность и испуг.

– Намочили мишку, – засмеялась она.

– Ты сама похожа на мокрого котенка, – ответил он.

– Я?

– Да. Мокрого. Рыжего. Злого.

– Ну, Сафин! – Кира зачерпнула воды и как следует окатила его.

Он не растерялся и ответил ей.

– Так нечестно! У тебя вон какие лапы! Как у медведя! – закричала Кира, отплывая подальше.

Гаяр догнал ее в два счета. Одной рукой сгреб в охапку и не давал вырваться.

– Лапы, говоришь? – сверкнул глазами он.

– Пусти!

– Ни за что, – его взгляд задержался на ее лице. – Ты такая красивая.

– Когда мокрая?

– Всегда, – Гаяр коснулся губами ее губ. – Поплыли к берегу. А то еще наловим полные трусы пиявок, – хохотнул он.

Выбравшись из воды, дошли до пирса. Инструктор уже ждал их. Первым делом он протянул полотенца. Вид у него был как у строгого учителя, который поймал нашкодивших школьников. Кира и Гаяр смеялись, не переставая, направляясь в свой номер, чтобы принять горячий душ и переодеться к обеду.

Обед был поздний. Ждали тех, кто еще не вернулся с речной прогулки. Пока официанты накрывали, Кира украдкой разглядывала присутствующих, а Гаяр ходил между столиками и общался с партнерами.

Когда Кире надоело ждать, поднялась и направилась в уборную в дальнем конце коридора. Она зашла в кабинку и закрылась. Входная дверь скрипнула, и до ее ушей донеслись женские голоса.

– Да, девочки... Жена у Гаяра Азатовича – странная. Не понимаю, что он в ней нашел?!

– А что тут понимать? Она дочь Ланского. Брак по расчету и все такое.

– Точно. Ясно, что любви там никакой нет. Она холодная, как лед. И лицо такое надменное. Эта ее снисходительная улыбочка с барского плеча. Фу! Бесит аж.

Кира прислонилась к стене и замерла.

– Дура рыжая. Буду надеяться, что Гаяр Азатович найдет себе кого потеплее.

– На себя намекаешь, Анют?

– Да хоть бы и на себя. Чем я хуже этой рыжей? Уж согреть в постели точно смогу.

Шум воды заглушил разговор. Потом все стихло, и раздалось цоканье каблуков по кафелю. Скрипнула дверь.

Кира не могла пошевелиться. По щекам побежали слезы. Внутри все горело огнем от обиды. Смахнув соленые капли, отодвинула засов и вышла. Подошла к раковине, открыла кран и умылась холодной водой. Горький привкус желчи стоял на языке.

Она очень хотела посмотреть в глаза этим наглым девицам. Хотя кого Кира обманывала... В том, что по компании ходят нелицеприятные слухи – виновата она одна. Сама дала повод думать, что у них с Гаяром не все в порядке. Только сейчас все изменилось.

Сделав глубокий вдох, промокнула лицо салфеткой и вышла. В коридоре было пусто. Вернулась в зал. Гаяр сидел за столиком и о чем-то разговаривал со своим заместителем, Арменом Ашотовичем, кажется. Увидев ее, встал и отодвинул стул.

– Родная, ты в порядке? Тебя долго не было, – в его голосе звучали ноты волнения.

Кира посмотрела на него красными глазами, но промолчала. Садиться не стала.

– У меня болит голова. Я пойду в номер.

Гаяр подошел ближе и взял ее за руку.

– Кира. Ты врешь мне. Что случилось? Ты вся бледная.

– Я хочу домой, – едва сдерживая новый поток слез, проговорила она. На него не смотрела – разглядывала носы своих туфель.

– Хорошо.

– Точно? Ты можешь остаться. Мурат отвезет.

– Нет. Давай так: ты сейчас идешь в номер и собираешь вещи, а я пока предупрежу всех и попрощаюсь. Ок?

Кира кивнула.

Гаяр жестом подозвал Мурата, который стоял в холле. Тот подошел быстро, едва не сбив с ног официанта.

– Проводи Киру Васильевну в номер. А потом подгони машину. Мы едем домой.

Мурат проводил ее до самых дверей. Кира быстро побросала все вещи, скрутила платье и комком засунула в чехол.

Когда пришел Гаяр, они спустились на ресепшен, сдали номер и вышли на улицу. «Майбах» ждал прямо у входа. Чемодан уже погрузили в багажник. Кира забралась внутрь и забилась в угол. Сафин покосился на нее, но спрашивать ничего не стал. Мурат завел двигатель. Машина тронулась с места. Отель остался позади.

Кира смотрела в окно и иногда промакивала глаза салфеткой.

– Ты уверена, что ничего не хочешь мне рассказать? – Гаяр положил руку ей на колено.

– Да.

– Ладно, – ответил он. – Можно тебя обнять?

– Да, – Кира придвинулась ближе.

Ей как никогда хотелось раствориться в его теплых объятиях и выкинуть из головы все, что она подслушала в туалете. За стеклом небо становилось темно-синим с розовым подпалом у линии горизонта. Гаяр обнимал ее всю дорогу, и от этого становилось немного легче.

Дома Кира сразу же направилась в мастерскую и заперлась. Краски летели на новый холст беспорядочными жирными мазками. Красный. Синий. Черный. Зеленый. Она бросала масло, как будто это были дротики. Обида сменилась злостью. Нужно было выйти из кабинки и вцепиться в волосы этим сплетницам. Кира жалела, что не сделала так.

Посмотрев на результат своего гнева, она схватила нож и воткнула его прямо в центр холста, распарывая его сверху вниз. Потом еще и еще, пока от льняной ткани не остались одни рваные ошметки.

Закончив истязания, Кира рухнула на пол и зарыдала. Беззвучно. Лишь иногда нарушая тишину своими всхлипами. Под дверью скулил Блум и иногда скреб лапой. Гаяр стучал и звал, но она не открывала. Когда стук смолк, встала и подошла к раковине. Умылась. Сделала глубокий вдох и убрала испорченный холст.

После она открыла дверь и вышла. Гаяр сидел на скамейке рядом и ждал. Блум улегся у его ног и внимательно смотрел на нее глазами-бусинами.

Она прошла мимо и кинула через плечо:

– Пошли спать.

– Ты ничего не хочешь мне объяснить? – аккуратно поинтересовался Сафин.

– Нет.

Он шумно выдохнул и пошел следом. Блум тоже вскочил и быстро пристроился за ней, ткнув влажным прохладным носом под коленку. Кира даже не вздрогнула.

В спальне она переоделась и легла в кровать. Обсуждать случившееся так и не решилась. Внутри было пусто. Гаяр разделся и лег рядом. Кира слышала, как он дышит и ждала, когда уснет. В итоге не сомкнула глаз до рассвета.

Постепенно угольки обиды превратились в пепел. Ничего. Она справится. И заставит всех увидеть, что теперь это не брак по расчету, а что-то большее. Гораздо большее, чем все думают.

Когда лучи солнца показались сквозь шторы, Кира поднялась с кровати. Накинув халат, спустилась на кухню. Обсуждать вчерашний день она не собиралась, даже если Гаяр снова решит расспросить ее. Не потому, что не хотела – не знала, с чего начать.

Сварив себе кофе, вышла в сад и опустилась в плетеное кресло. Слушала, как поют птицы. Вспомнила о том, что сегодня понедельник и она обещала показать галерею Динаре Ринатовне. Была уверена: денек предстоит не из легких.

Кира пила кофе медленно, словно старалась с каждым глотком запастись терпением на целый день. Галерея была ее гордостью. Она столько сил вложила в ее создание. Это ее детище. Там можно быть просто Кирой, а не женой Сафина и дочерью Ланского.

После завтрака Гаяр уехал на работу. Кира дождалась, когда соберется Динара Ринатовна, и они вдвоем поехали в город.

Галерея находилась в старом особняке с высокими окнами, выходящими на бульвар. Кира долго выбирала подходящее здание. Пересмотрела столько вариантов, но в итоге все равно вернулась к самому первому. Она не гналась за пафосом и прибылью. Деньги для нее не имели никакого значения.

Кира искала молодых талантливых художников, сама отбирала работы, чтобы дать им шанс быть увиденными, замеченными, оцененными. Вот что было главное. Поэтому на душе скребли кошки, когда она стояла в стороне и смотрела, как Динара Ринатовна прохаживается между картинами с поджатыми губами. «Ну вылитая жаба», – думала Кира.

– Ну разве это искусство? – губы свекрови превратились в нитку. – Мазня.

– Это работы моей мамы, – не выдержала Кира.

– Никогда не думала, что Жанна занимается таким.

– Жанна не моя мама, – Кира чувствовала, как внутри нее клокочет ярость. Еще чуть-чуть, и взорвется. – Если вам не нравится, можем поехать домой.

– О нет, я посмотрю все. Должна же я знать, куда мой сын потратил столько денег.

Кира едва сдержалась, чтобы не прыснуть. Вместо этого она решила выйти на свежий воздух. Тяжелый аромат розы и мускуса щипал горло и выдавливал кислород из легких. Надо сказать Гаяру, чтобы подарил матери другие духи. Хотя... для старой жабы самое то.

Она вышла на улицу и завернула за угол. Прислонившись к прохладному кирпичу, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Как же она соскучилась по Гаяру. Это новое незнакомое чувство не давало покоя.

Немного подумав, Кира набрала сообщение Мурату и попросила прислать водителя к галерее за Динарой Ринатовной. После чего запрыгнула в свой «Порше» и умчалась прочь, улизнув от охраны. Она резко маневрировала в потоке машин. Кажется, придет куча штрафов. Но ей срочно надо к Гаяру.

Припарковавшись у стеклянного небоскреба, Кира выпорхнула из машины. За два года она практически не переступала порог его офиса. Она уже собиралась войти в лифт, как вдруг увидела его.

В безупречном черном костюме, с аккуратной прической – идеальный. Гаяр разговаривал с каким-то мужчиной в сером, что-то объяснял и жестикулировал. Она замерла в двух шагах от него и просто смотрела.

Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Кира не знала, зачем приехала. Просто утром, когда Гаяр уехал, не попрощавшись, в груди образовалась такая пустота. А заполнить ее мог только он. Его голос. Его руки.

Гаяр заметил ее не сразу. Сначала собеседник что-то сказал, мужчины обернулись. А потом его глаза нашли ее.

– Извините, – бросил он партнеру и быстрым шагом направился к Кире.

Она стояла и неловко переступала с ноги на ногу. Чувствовала себя девочкой на первом свидании. Потом сделала робкие шаги навстречу. Мир вокруг перестал существовать. Кира видела только его глаза – темные, добрые, ласковые.

– Родная, – он подошел и сразу же обнял ее. – Что случилось? Почему ты не в галерее? Где мама?

– Я сбежала, – призналась она. – А твоя мама осталась там. Представляешь, она назвала мои и мамины картины мазней.

Гаяр недовольно цокнул языком.

– Я поговорю с ней.

– Не надо, – Кира провела рукой по его плечам. – Пусть говорит. Мне все равно. И я не за этим приехала.

– А зачем?

Она молчала. Смотрела в его карие глаза и не могла произнести ни слова. Язык задеревенел.

Раз. Два. Три. Девочка, дыши...

Кира сделала глубокий вдох. Выдох. Она поднялась на цыпочки, чтобы их глаза были на одном уровне. Взяла его лицо в ладони. Янтарь ее глаз горел огнем. Странным. Непонятным.

– Я тебя люблю! – выпалила она и тут же прильнула к его губам, не давая опомниться.

Гаяр опешил. Промычал что-то в ответ, попытался освободиться, но ее тонкие пальцы оказались слишком цепкими.

– Повтори еще раз, – прошептал он ей прямо в губы, когда смог чуть отстраниться.

– Люблю! Люблю! Люблю! – Кира сказала это чуть громче, чем хотела, и привлекла внимание прохожих.

Люди проходили мимо и оборачивались.

Гаяр посмотрел на нее так, словно видел впервые. Его руки прижали ее к груди слишком сильно, выдавливая весь воздух из легких.

– Ты... – голос его охрип. – Это правда?

Кира кивнула, не в силах повторить еще раз.

Он уткнулся лицом в ее медные волосы. Она чувствовала сквозь одежду, как бьется его сердце. Так же бешено, как и ее.

– Я так долго ждал, – прошептал он. – Как же долго я ждал. Думал, уже никогда не дождусь.

– Я такая дура, Гаяр, – Кира всхлипнула. – Сопротивлялась. Отталкивала тебя. Не замечала.

– Но теперь заметила?

– Да.

Он поцеловал ее – прямо посреди улицы, напрочь забыв о партнере, о людях вокруг. Целовал так, будто боялся – если отпустит, это окажется сном.

Когда они оторвались друг от друга, Гаяр обернулся к застывшему партнеру и сказал то, что никак нельзя было от него ожидать:

– Виктор Максимович, извините. У меня тут... непредвиденные семейные обстоятельства.

– Конечно, конечно, Гаяр Азатович, – усмехнулся тот. – Никакой спешки.

Гаяр вернулся к Кире. Она взяла его за руку и повела к своей машине.

– Я хочу показать тебе одно место, – объяснила она. – Оно очень много для меня значит.

– Куда едем? – спросил он, когда Кира завела двигатель.

– Узнаешь, – она старалась говорить ровно, но голос дрогнул.

Гаяр больше не задавал вопросов. Дорога заняла час. Кира вела аккуратно, старалась не гонять. За окном городской пейзаж сменился полями, потом лесом. Солнце медленно клонилось к закату.

Она свернула на проселочную дорогу. Проехав чуть дальше, остановилась у старого пирса. Вокруг – небольшие деревянные домики, и больше никого.

– Приехали, – сказала Кира и, не дожидаясь ответа, выскочила из машины и направилась к воде.

Гаяр поспешил за ней.

Вода была темной, почти черной, местами в зарослях камыша и кубышек. Желтые цветы ярким пятном выделялись на поверхности. Тишина – только изредка крякали утки в другом конце водоема.

Кира скинула туфли и босиком прошла в самый конец деревянного настила. Закатав брюки, села на краю и опустила ноги в прохладную воду. Гаяр присел рядом.

– В детстве мы приезжали сюда с мамой... – тихо начала она. – Мы брали мольберты и рисовали вдвоем. Я до сих пор помню, как солнце блестело в ее волосах. Знаешь, меня дразнили в школе: рыжая-бестыжая, рыжая-конопатая. Песенки обидные пели. А мама говорила, что я особенная. Что солнышко меня любит чуть больше, чем остальных. А веснушки – это и есть его поцелуи, – Кира горько усмехнулась.

Гаяр осторожно взял ее за руку и переплел пальцы. Она не смотрела на него. Взгляд устремился вдаль, куда-то на другую сторону берега и затерялся в зарослях камыша. Она вздохнула и продолжила:

– Мне было десять, когда мамы не стало... Мир рухнул в одно мгновение, – крупные слезы потекли по ее щекам. – Я пообещала себе, что никогда никого не полюблю. Ведь это так больно – терять любимых. Я не могла, не хотела полюбить тебя, Гаяр. Не потому, что ты плохой. Наоборот, слишком идеальный. Сначала я до одури боялась тебя. В первую брачную ночь ты был грубым. И на свадьбе буквально заставлял меня улыбаться. Мы знакомы-то были всего ничего. А потом ты сделал мне предложение, и папа заставил согласиться.

– Кира, – Гаяр приобнял ее за плечи. – Я так вел себя так... В общем, не знал, как правильно. Ты смотрела на меня как на врага. Вздрагивала от малейшего прикосновения. И этот договор... Я хотел привязать тебя к себе, навсегда, на всю жизнь. Спрятать, как игрушку, которую украл... – он вытер мокрые дорожки с ее лица. – С первого дня нашей встречи я не мог не думать о тебе. Помнишь, мы с отцом приехали к твоему отцу домой по делам. Ты рисовала в саду. Одна кисточка за ухом, кончик второй во рту. Смешная такая, перепачканная в краске. Я понял, что пропал. Что готов весь мир бросить к твоим ногам и никогда не отпускать.

– Ты серьезно? – она повернулась к нему.

– Абсолютно, – он прислонился своим лбом к ее и долго смотрел в глаза. – А ты постоянно дерзила, рычала, как тигрица. Я все-таки мужчина. Воспитывался по-другому. А тут мне

приходилось терпеть несносный характер взбалмошной дочки богатенького папы. Так еще и смотрела на меня, как на грязь.

– Прости, – прошептала она. – Твоя забота казалась мне удавкой. А сейчас я понимаю, что просто боялась, что если полюблю тебя, то ты исчезнешь. Как мама...

– Но я здесь, – он мягко коснулся губами ее губ. – Я очень сильно люблю тебя. Ты необыкновенная.

– Люблю, – только и смогла пролепетать Кира, закрывая глаза и погружаясь в его поцелуй.

Когда Гаяр остановился, она положила голову ему на плечо и продолжила. Он молчал и слушал про то, как ее отец отдалился, как сослал ее в школу-пансион за границей, как появилась Жанна и практически выжила ее из отчего дома. Как она поняла, что никому не нужна, и ее никто не защитит. Как тяжело было осознавать, что тебя могут предать даже самые близкие.

Кира замолчала и уткнулась в его плечо, вдыхая знакомый запах бергамота. Слезы текли и текли по ее щекам.

Гаяр гладил ее по спине и ждал, пока буря утихнет. Потом они долго целовались. Нежно. Чувственно. Когда стемнело – вернулись в машину.

– Я поведу, – настоял Гаяр и забрал ключи.

Всю дорогу они слушали радио – какие-то старые песни. Он украдкой поглядывал на нее. Кира тихонько подпевала, но все еще не могла успокоиться – думала о маме.

Дома их встретил Блум. Он носился по прихожей, радостно вилял хвостом и лаял. Чуть не сбил с ног Гаяра.

– Блум! Фу! – попыталась утихомирить его Кира, но не выдержала и рассмеялась.

Грусть, как рукой сняло. Она присела на корточки и обняла пушистую тушку. Пес в ответ облизал ей все лицо.

– Как можно обниматься с грязным животным? – голос Динары Ринатовны раздался, гром среди ясного неба.

Она вернулась гораздо раньше и теперь стояла у лестницы, расставив руки по бокам, и взирала на них с таким видом, будто застала за преступлением.

Кира не спешила отпускать Блума. Погладила его по голове, вытерла слюни со щеки и спокойно ответила:

– Моя собака почище некоторых людей будет. Добрее уж точно.

Гаяр кашлянул. Его ладонь легла на плечо Киры и немного сжала. Потом он помог ей подняться и потянул наверх.

Едва закрыв дверь в спальню, выпалил:

– Кира. Нельзя же так грубо отвечать маме! Она наша гостья в конце концов.

– А я твоя жена! Твоя мать оскорбляет всех. Я терпеть не собираюсь! – парировала она, присаживаясь на кровать.

– Ты преувеличиваешь, родная, – Гаяр снял рубашку и небрежно бросил ее на банкетку.

– Ни капли, – Кира смерила его таким взглядом, что чуть не прожгла дыру. – Если твоей маме что-то не нравится – чемодан, аэропорт... ну ты понял в общем.

– Не выводи меня, Кира, – его скулы заходили ходуном. – Я всегда на твоей стороне, но это уже слишком. Я поговорю с мамой, но и ты должна сдерживаться.

– Только после нее, – Кира сняла футболку. Потом встала и подошла к нему вплотную. – Я не хочу воевать с твоей мамой. Но если она будет нападать – буду защищаться.

– Господи, – выдохнул Гаяр. – Я между двух огней.

– Только один огонь спит с тобой в одной кровати, – она сказала ему это прямо в губы, но целовать не стала. – Если не хочешь составить компанию Блуму на полу, советую хорошо подумать.

– Даже так? Ты ходячее недоразумение, Кира... – он положил руки ей на талию, притягивая к себе еще ближе. – Но я слишком сильно тебя люблю, чтобы долго злиться.

– Прости, – Кира отстранилась и отошла на несколько шагов назад. – Я спать.

Она сняла покрывало с кровати и прилегла, заворачиваясь в одеяло, как в кокон. Гаяру ничего не оставалось, как лечь рядом.

– Как думаешь, если бы мы поженились при других обстоятельствах, все сложилось бы иначе? – задумчиво спросила Кира.

– Не знаю... – Гаяр перевернулся на бок. – Я вел себя как самый настоящий козел. Мне бы сказать: «Кира, давай не будем торопиться. Давай постепенно узнавать друг друга». Но нет, я поступил...

– Как истинный наездник, торопясь оседлать племенную лошадь породы Ланских.

– Даже не буду спорить.

– Еще бы ты спорил, – буркнула Кира в подушку.

– Но ты тоже хороша. Настоящая фурия.

– Я думала, что если буду злой и неприятной, ты быстро со мной разведешься. А ты оказался очень стойким.

– А ты очень вредной, – засмеялся Гаяр.

– Тсс, – шикнула на него Кира. – Сейчас разбудишь Блума. Он лаем разбудит твою маму. А там и до слета ведьм недалеко.

– Ты невыносима, – он обреченно вздохнул. – Кир... Мама ведь не со зла. Ну вот такая она. Прояви терпение.

– Конечно, не со зла... Давай закроем тему. Я устала. Хорошо, что хоть не слушала лекцию о том, что бросила ее в галерее, – она даже не повернулась в его сторону.

– Давай закроем.

Кира повернулась к нему, потянулась и взяла за руку.

– Только не убирай, – тихо попросила она.

– И не собирался.

Они уснули, держась за руки. Блум тихонько скребся в дверь, но никто не открыл. Пес обиженно вздохнул и улегся в коридоре.

Кира засыпала с мыслью, что подсознательно сделала правильный выбор, когда решила выйти замуж за Гаяра. Да, они были знакомы всего ничего. И его предложение, как снег, обрушилось ей на голову. В тот момент желание навсегда сбежать от семьи оказалось сильнее здравого смысла, но в итоге – самое верное. Никто и никогда не любил ее так сильно, как он. Разве что мама... Но мамы нет.

А он здесь, рядом, сопит под ухом и сжимает ее ладонь. Человек, который так долго был чужим, теперь стал самым родным.

Глава 5

Утром Киру разбудили громкие голоса прямо под дверью.

– Но Кира Васильевна говорит делать так.

– Это дом моего сына!

– Извините, я сейчас все исправлю.

Кира потерла глаза. Гаяр спал как ни в чем не бывало. Она накинула халат и вышла в коридор. Снизу доносились грузные шаги. Немного подумав, решила не связываться и вернулась обратно. С утра портить себе настроение очередной ссорой с Динарой Ринатовной совсем не хотелось. Потом выяснит у Аллы, что от нее требовали.

Гаяр потянулся и открыл глаза.

– Что там за вопли с утра? – недовольно пробормотал он.

– Ты слышал? – Кира забралась в его объятия и укрылась одеялом.

– Еще бы. Но ничего не понял.

– Я тоже. Но твоя мама уже не в духе.

– О-о-о, – простонал Гаяр и спрятался под одеялом.

– У меня есть идея. – Кира толкнула его в бок. – Давай сбежим?

– Сбежим? – глухо переспросил Гаяр.

– Да, сбежим. – Она вскочила с кровати. – Вставай скорее!

Кира подошла к шкафу. Быстро пробежалась по вешалкам, выудив из глубины джинсы и футболку-поло для Гаяра.

– Сегодня никаких костюмов, – кинула вещи на кровать и скрылась в ванной.

Кира слышала, как Гаяр позвонил секретарю и попросил отменить все встречи на сегодня. Она стояла перед зеркалом, с полным ртом зубной пасты и пела какую-то непонятную песню. Даже не пела – булькала.

Дверь в ванную открылась – Гаяр подошел и взял свою зубную щетку. Кира наклонилась и прополоскала рот. Промокнув губы полотенцем, проговорила:

– Нужно успеть уйти, пока твоя мама пьет кофе.

Когда Гаяр вышел, Кира стояла уже одетая. Начала ворчать и поторапливать его. Они выскользнули из спальни. На цыпочках, с обувью в руках, спустились как можно тише, чтобы не привлечь внимание своим топотом. Из кухни послышался голос Динары Ринатовны, которая опять отчитывала Аллу. Едва не прыснув от смеха, вышли на улицу.

Гаяр отпустил водителя и сам сел за руль. Черный «Майбах» медленно выехал за ворота.

– Так, сбежать – сбежали. Что дальше? – не отвлекаясь от дороги, спросил он.

– Не знаю, – ответила Кира и рассмеялась.

– Все с тобой ясно, – засмеялся он в ответ. – Есть у меня одна идея. Давно хотел это сделать.

– И какая же?

– Увидишь, – он заговорщицки подмигнул и поехал в сторону города.

Парк аттракционов оказался полупустым. Утро буднего дня – никаких очередей и толп. Гаяр припарковался, помог Кире выйти из машины и повел к кассам. Купил билеты.

Она поймала себя на мысли, что даже не помнит, когда в последний раз каталась на каруселях. В воздухе витал аромат сладкой ваты, карамельных яблок и попкорна.

Гаяр чуть сильнее сжал ее пальцы и потащил на «американские горки». Вагончик медленно пополз вверх, противно поскрипывая. Горки оказались выше, чем казались издалека. Гораздо выше. Ветер ударил в лицо. Кира зажмурилась и завизжала. Желудок подпрыгнул к

горлу. Ей казалось, что сейчас она парит в воздухе и вот-вот упадет. Не поднимая век, нашла руку Гаяра и вцепилась в нее ногтями до красных полумесяцев. Он смеялся над ней до колик.

– Трусиха! Открой глаза. Тебе понравится.

– Ни за что! Только выйдем отсюда, я тебе устрою!

– Ну-ну. Иди сюда, глупенькая, – Гаяр притянул ее к себе и поцеловал.

Кира оттаяла на время. Но стоило им только отойти от аттракциона – больно ткнула его в ребро.

– Не прощу тебе этого, – зло прошипела она.

– Неужели так страшно? – он удивленно поднял бровь, продолжая смеяться. – Как на машине гонять, так ты не боишься.

– Там не надо отрываться от земли. И вообще, с вас мороженое, господин Сафин! – Кира надула губы и направилась в сторону киоска.

Долго стояла перед витриной и выбирала. Наконец определилась. Гаяр расплатился, и они опустились на лавочку в тени старого тополя.

– Ты испачкалась, как ребенок, – подмигнул Гаяр.

Кира достала из сумочки зеркало и расхохоталась. На щеках и губах остались следы клубничного мороженого. Гаяр наклонился и поцеловал ее.

– Ты пахнешь летом, – тихо сказал он.

– А ты – домом, – она провела носом по его щеке.

Потом был тир. Кира первая взяла винтовку и выбила все цели, чем сильно удивила Гаяра.

– Ты умеешь стрелять?

– Ага. Папа научил. Пожалуй, это единственное, чем он со мной занимался.

В награду ей достался плюшевый заяц с криво пришитым ухом.

– На, – Кира сунула ему в руки игрушку. – Будешь спать с ним, когда я злая.

– Нет уж. Отдам его Блуму. Пусть отгрызет ему ухо.

После тира пошли кататься на цепной карусели. Гаяр смотрел на Киру, не отрывая глаз. Она все время улыбалась и держала его за руку. Ветер трепал медные локоны, а солнце бликовало в глазах цвета янтаря.

День тянулся медленно и легко. Кира словно вернулась в детство, когда мама была жива. Вспомнила, как к ним приезжала тетя Мила со своим сыном Пашкой, и они все вместе гуляли по городу, катались на каруселях, ели хот-доги с лотка, запивая все сладкой газировкой из жестяных банок. А сегодня именно Гаяр помог ей почувствовать себя маленькой Кирой...

На парк опустились сумерки. Колесо обозрения светилось разноцветными огнями, манило и притягивало к себе. Кира с Гаяром зашли в кабинку. Та медленно поднималась, открывая завораживающий своей красотой вид на город: крыши, река, зеленые островки парков, вдали – шпиль телебашни.

– Как красиво! – восторженно проговорила она, прижимаясь лбом к стеклу.

– Ты красивее, – Гаяр провел рукой по ее спине. – Я никогда не думал, что ты можешь быть такой. Словно светишься изнутри. Иди ко мне.

Он обнял ее, и они молча смотрели, как солнце опускается к горизонту, окрашивая небо в оранжево-розовые тона.

– Люблю, – прошептала Кира ему на ухо. – Как же сильно я тебя люблю.

Кабина замерла наверху, а потом качнулась и поехала вниз. Провести день вдвоем в парке – самое лучшее спонтанное решение. Кира не думала, что такие простые детские радости могут принести столько удовольствия.

Спустившись на землю, они, не сговариваясь, пошли к выходу. По пути домой решили заехать поужинать в ресторане. Гаяр привез ее в свой любимый – маленький, уютный, без пафоса. Выбрали столик с видом на улицу. За окном мелькали машины и прохожие. Витрины

магазинов мерцали яркими вывесками. А в зале пахло жареным мясом и травами. Официант принес меню. Через десять минут вернулся и принял заказ.

Гаяр говорил спокойно, уверенно, несколько раз напомнил про прожарку. Кира слушала его голос и еще раз убеждалась в том, что приняла правильное решение, став его женой.

– Что-то не так? – спросил он, когда официант ушел.

– Нет, – Кира наклонила голову и добавила: – Спасибо.

– За что?

– За возможность вернуться в детство.

– Это тебе спасибо. Знаешь, с тобой приятно проводить время, когда ты не кидаешься на меня, – подмигнул Гаяр.

Кира уже открыла рот, чтобы ответить ему что-нибудь колкое, но вернулся официант и поставил перед ней тарелку с дымящейся едой. Она забыла обо всем и принялась уплетать ребрышки, довольно мурлыкая, как кошка.

Когда тарелки опустели, Гаяр расплатился, даже не глядя на счет. Молча приложил карточку. Они вышли на улицу. Дойдя до машины, он вдруг остановился. Отдав ей ключи, куда-то ушел. Кира пожала плечами и села в «Майбах».

Гаяр вернулся через десять минут с букетом белых орхидей.

– Сегодня не пятница, но очень захотелось сделать тебе приятное, – он положил цветы ей на колени.

– Спасибо, – улыбнулась она, проводя пальцем по лепесткам.

Домой ехали в тишине. Усталость навалилась, как ватное одеяло, и Кира задремала, уронив голову на грудь.

Когда «Майбах» въехал на территорию, совсем стемнело. Тишина. Лишь пение сверчков да шелест листвы.

– Родная, пойдем в дом, – тихо сказал Гаяр, пощекотав ее.

– Не хочу, – застонала Кира, нехотя открывая глаза. – Сейчас нам устроят допрос с пристрастием.

– А ты молчи и иди сразу в спальню.

– Когда там твои родители уже уедут? – она открыла дверцу и ступила на землю.

– Дней через пять. Потерпи еще немного.

– У-у-у, – недовольно протянула она, прижимая орхидеи к груди.

Они вошли в дом. В прихожей горел только один бра. Все уже давно спали. Даже Блум не выбежал – видно, уснул на кухне, поближе к мискам.

На цыпочках поднялись к себе. Прикрыв дверь, Кира вспомнила, что нужно поставить цветы в воду, но за вазой ей стало лень спускаться. Поэтому она набрала в раковину воды и оставила букет там.

Вернувшись в комнату, застала Гаяра уже без рубашки. Лунный свет падал на его обнаженный торс. Кира забыла, как дышать. Она остановилась, как вкопанная, прислонившись спиной к двери.

Несколько минут они обменивались взглядами. Она шагнула первой. Сама. Не стала ждать. Подойдя вплотную, провела ладонями по его груди, очерчивая пальцами каждый мускул. Он выдохнул. Тихо, почти беззвучно.

Гаяр взял ее лицо в ладони. Поцеловал – долго, сладко, так, что у Киры закружилась голова. Его пальцы зарылись в ее волосы. Она вжалась в него так, что между ними не осталось места для воздуха. Почувствовала, как напряглось его тело, как ускорилось сердцебиение.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

Кира не ответила – просто поцеловала сильнее.

А дальше... Полумрак. Прохладная простыня. Его руки, сильные и в то же время нежные. Они знали каждый миллиметр ее тела, но сегодня как будто узнавали заново.

Он двигался медленно, почти лениво. Но в этой медлительности была такая сила, что перехватывало дыхание. Она вцепилась в его спину, не давала ускоряться. Больше не считала: «Раз. Два. Три. Девочка, дыши», не ждала, когда все закончится, а пыталась жадно насладиться каждой минутой. Хотела, чтобы этот миг растянулся надолго — их тела, слитые воедино, их дыхание, ставшее одним, и мысли, растворившиеся в ритме сердца.

Кира смотрела на него снизу вверх – на его лицо, на капельки пота на висках. Провела пальцами по его губам. Гаяр открыл глаза. Дыхание его сбилось. Он вздрогнул, прошептал ее имя – едва слышно, одними губами.

Комнату заполнил аромат бергамота и соли. Они долго лежали, тесно прижавшись друг к другу.

«Как я могла считать его чужим? Как я могла так долго не замечать его любовь ко мне? Абсурд!» – думала Кира.

– Отпускай, – прошептал Гаяр, пытаясь перевернуться на бок.

– Никогда, – тихо ответила она. – Не отпущу. Даже если мне нечем будет дышать.

– Если мы умрем в такой позе, будет забавно, – пошутил он, все-таки освободившись от ее хватки.

Гаяр уснул быстро. Кира еще какое-то время смотрела на него, слушала его дыхание, пока веки не потяжелели.

Когда она открыла глаза, часы показывали девять утра. Солнце уже пробивалось сквозь неплотно задвинутые шторы. Гаяр тихо сопел рядом, закинув на нее руку. Она не стала его будить. Аккуратно соскользнула с кровати и подошла к окну. Потянулась и раздвинула шторы. «Пора стричь траву, – подумала, глядя на газон. – И посадить еще несколько кустов гортензии...»

На тумбочке пиликнул телефон. Она подошла и посмотрела на загоревшийся экран. Сообщение от Жанны: «Напоминаю: ждем вас сегодня вечером в семь. Не опаздывайте!»

Кира хмыкнула и отложила трубку. Она и думать забыла об очередном сборище подхалимов своего отца. Идти туда совсем не хотелось. Но и отказываться уже поздно. Тем более что родители Гаяра тоже приглашены. Еще не хватало, чтобы ей там перемывали кости. Хотя... Когда Динару Ринатовну это останавливало?

Гаяр заворочался и открыл один глаз.

– И чего ты вскочила? – зевая, спросил он.

– Выспалась.

– Кто написал?

– Жанна. Сегодня намечается «приятная» тусовка.

– Черт. Я совсем про нее забыл...

– Как и я. Может, не пойдем?

– Боюсь, единственная уважительная причина не посетить это мероприятие – Армагеддон, – с сарказмом проговорил он.

– Организуешь? – Кира лукаво подмигнула.

– Если бы я мог что-то изменить... – пропел он и заулыбался.

– Все с тобой понятно, – она показала ему язык. – Хорошо, что у меня уже есть платье...

– Мне не нравится твой взгляд.

– Маме твоей точно понравится, – хихикнула она, удаляясь в ванную.

Вслед донесся обреченный стон.

В столовую спустились вместе. Кира надеялась, что в такую рань удастся позавтракать вдвоем. Увы. Там уже сидела Динара Ринатовна. По ее лицу было понятно – сейчас начнется...

Кира закатила глаза. Пальцы Гаяра сильнее сжали ее руку.

– Мама, доброе утро.

– Доброе утро, Динара Ринатовна.

– Доброе, – буркнула свекровь. – Где вы вчера пропадали весь день?

– Гуляли, – Гаяр занял свое место во главе стола. – А папа где?

– Ему нездоровится. Решил поспать подольше.

– Зайду к нему, как проснется.

– Было бы неплохо уделить время родителям, а не только этой...

– Мама! – Гаяр зло сверкнул на нее глазами.

– Динара Ринатовна, – не выдержала Кира, – я не «эта». Давайте не будем портить настроение друг другу и позавтракаем спокойно? Яду мне хватит сегодня вечером. Хотелось бы обойтись без вашего.

Динара Ринатовна машинально поправила платок и уткнулась в тарелку.

Алла быстро накрыла на стол. Гаяр ушел на кухню и вернулся спустя десять минут с тремя чашками на подносе. Столовую наполнил аромат свежесваренного кофе, овсяной каши и ягод. Изредка Кира ловила на себе недовольный взгляд Динары Ринатовны.

– Мне надо немного поработать, – сказал Гаяр, закончив с завтраком.

Он поднялся, поцеловал Киру в щеку и вышел.

Кира тоже хотела было уйти, но Динара Ринатовна остановила ее.

– Ты уже решила, в чем пойдешь? – черные глаза смотрели в упор.

– Конечно. – Кира уже собиралась открыть дверь.

– Было бы неплохо, если бы ты выглядела... прилично.

– Динара Ринатовна, я всегда выгляжу прилично, – Кира сжала дверную ручку так, что побелели костяшки.

– Ну да, особенно в том черном платье, – губы свекрови сжались.

Кира ничего не ответила и ушла.

День пролетел незаметно. Кира до вечера просидела в мастерской. Рисовать – почти не рисовала, скорее пряталась от Динары Ринатовны. Гаяр работал в кабинете. Глянув на время, она отложила кисти и пошла в дом. Приняла душ и начала собираться.

Когда пришел Гаяр, она перебирала украшения в своей шкатулке.

– Не то, – бубнила себе под нос. – И это не то.

Он подошел и коснулся ее плеча.

– Не хочешь надеть бриллианты, которые я дарил тебе на прошлый день рождения?

– Точно! – она развернулась и открыла дверцу шкафа. Достала с полки темно-синий бархатный футляр.

– Спасибо, что не выкинула, – усмехнулся он.

– Ну я же не дура! – Кира открыла крышку. – Мне они еще тогда понравились, но не могла же я показать тебе... Не важно. – Она встала перед зеркалом и приложила колье. – Идеально!

– А платье какое?

– Увидишь, – Кира лукаво подмигнула ему и убежала в ванную.

– Кажется, мне конец, – вздохнул Гаяр.

Он надел черный костюм с бархатным пиджаком, поправил бабочку, после чего спустился в гостиную.

Сквозь приоткрытую дверь Кира слышала его разговор с родителями.

– Мы едем? – спросила Динара Ринатовна ледяным тоном.

– Да. Сейчас только Кира спустится.

– Женщины вечно копаются, – буркнул Азат Шарифович.

– Особенно наша килен, – язвительно добавила Динара Ринатовна.

Потом она в таком же ключе высказалась о том, что невестка, видимо, выбирает очередное развратное платье.

Подавив в себе волну гнева, Кира на несколько секунд замерла перед лестницей, выдохнула, а потом начала медленно спускаться. Тонкий красный шелк поблескивал в свете люстры.

Декольте открывало плечи и ложбинку между грудей, а высокий разрез до середины бедра при каждом движении обнажал стройную ногу. Волосы крупными локонами падали на спину, а в ушах и на шее переливались те самые бриллианты.

От взгляда Гаяра у нее перехватило дыхание. В карих глазах горело что-то первобытное, жадное, смешанное с восхищением и нежностью.

Динара Ринатовна в болотно-зеленом платье и платке в тон окинула ее неодобрительным взглядом, как она обычно это делала. Азат Шарифович поправил лацкан темно-синего пиджака и попытался слиться с диваном.

– Ужас какой! – процедила Динара Ринатовна сквозь зубы. – Очередное пошлое платье.

– И вам добрый вечер, Динара Ринатовна, – спокойно ответила Кира, проходя мимо.

Она смотрела только на Гаяра. Он взял ее за руку, и она почувствовала, как дрожат его пальцы.

– Ты сводишь меня с ума, – прошептал он ей на ухо. – Я не уверен, что мы сможем вовремя попасть на прием.

– Даже не думай, – с улыбкой ответила Кира. – Я слишком долго собиралась, чтобы позволить тебе все испортить.

Всей семьей они вышли на крыльцо. На подъездной дорожке уже стояли машины. Родители молча направились к «Лексусу». Гаяр открыл дверцу «Майбаха» и помог Кире сесть на заднее сиденье. Сам устроился рядом. Мурат завел двигатель.

Едва машина выехала за ворота, Гаяр поднял перегородку, отделяющую их от передних сидений. Он притянул ее к себе и жадно впился в губы.

– Гаяр, – прошептала Кира, на секунду отстраняясь, – ты съешь всю помаду.

– Наплевать.

Он снова поцеловал ее, и она ответила, запустив пальцы в его волосы. Целовались всю дорогу – короткими, быстрыми поцелуями, то отрываясь, то снова припадая друг к другу. Кира чувствовала, как бьется его сердце, как его ладонь скользит по ее обнаженной спине. Внутри разгорался тот самый огонь, который не утихал уже несколько месяцев.

– Прекрати. Иначе мы не доедем, – выдохнула она, упираясь руками в его грудь.

– Черт с этим приемом, – прошептал Гаяр.

– Так нельзя. Твоя мать и Жанна сожрут нас живьем.

– Пусть рискнут.

Кира сама едва нашла в себе силы отодвинуться. Гаяр не выпускал ее руку из своей. Гладил большим пальцем запястье, периодически прижимаясь губами к ее щеке, пока машина не остановилась у особняка Ланских.

Вдоль подъездной аллеи горели сотни маленьких лампочек, гирляндами обвивая идеально выстриженные туи. У входа – целая вереница дорогих автомобилей. Собрались все «сливки высшего общества». Швейцары в ливреях распахивали двери, гости в вечерних нарядах стекались к парадному входу, смеясь и переговариваясь.

Гаяр помог Кире выйти. Она одернула подол платья, чтобы разрез не показывал слишком много. Бесполезно – ткань все равно скользила, открывая ногу при каждом шаге.

– Ты самая красивая, – прошептал он, и она расцвела еще больше.

В холле играл струнный квартет. Но отчий дом все равно дышал холодом. Не физическим – душевным. Графитово-голубая палитра стен, матовое стекло перегородок, черные рамы картин – ни одного намека на уют. Даже живые цветы в огромных напольных вазах казались искусственными: слишком правильные, слишком безликие. Люстры бросали блики на мраморный пол.

Кира ненавидела каждую плитку, каждый плинтус в этом доме. Всякий раз, переступая порог, она вспоминала тот прежний дом – с прованской мягкостью, мамиными картинами и

запахом яблочного пирога. Теперь же он превратился в стеклянный склеп: давил на гостей, не пропускал тепла.

Жанна встречала гостей в платье цвета стали, словно подчеркивая свое единство с интерьером. Ее улыбка была такой же фальшивой, как и всегда.

– Кира, дорогая! – Жанна чмокнула воздух у ее щеки. – Гаяр! Очень рада вас видеть!

Кира кивнула в ответ. Гаяр подхватил ее под локоть, и они вошли в зал.

Гостей оказалось много. Дамы в дорогих нарядах, мужчины в безупречных смокингах. Смех, звон бокалов, музыка. Кто-то толпился у стола с закусками, кто-то бесцельно бродил по залу. Официанты с подносами лавировали между ними.

У камина Кира заметила одинокую фигуру отца. Он стоял с бокалом виски в руках. Глубоко посаженные глаза смотрели в пустоту, и на лице застыло выражение усталости и какой-то давней, застарелой грусти.

– Папа, – она подошла и поцеловала его в щеку. – С тобой все в порядке?

– Все хорошо, дочка. Рад тебя видеть, – он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. – Хорошо выглядишь. С возрастом ты становишься все больше похожей на Лиду...

– Спасибо, – Кира опустила глаза.

– Вы помирились с Гаяром?

– Да. У нас все хорошо.

– Отлично. Ты вся светишься от счастья.

– Так заметно?

– Да. По глазам видно. Ладно, иди к мужу. – Он машинально протянул руку и сжал ее ладонь.

Кира улыбнулась и вернулась к Гаяру. Несмотря ни на что, ей не хотелось, чтобы этот вечер заканчивался. Они не отходили друг от друга – держались за руки, обнимались, перешептывались и смеялись над какими-то пустяками. Танцевали – медленно, чуть неловко, прижимаясь щекой к щеке. Мир вокруг словно перестал существовать. Только музыка, свет и его дыхание у виска.

Затылком Кира чувствовала на себе тяжелый взгляд Жанны. Конечно, та привыкла видеть ее несчастной. Она повернулась. На мгновение их глаза встретились. Пальцы мачехи сомкнулись на бокале и побелели.

– Какая мерзость, – донеслось сквозь музыку.

Закончив танцевать, Кира с Гаяром прошли к дальнему углу зала, где был накрыт фуршет.

– Твоя мама, кажется, опять недовольна, – заметила она, кивнув в сторону дивана, где сидела свекровь с каменным лицом. «Ну, точно, зеленая жаба», – добавила уже про себя.

– Отойдет. – Гаяр взял с подноса бокал с шампанским и протянул ей.

– Два года уже «отходит». Хотя... мне наплевать.

Он не ответил, лишь притянул ее к себе и поцеловал в лоб. В этот момент к ним подошла Жанна. На лице ее сияла улыбка, но от нее веяло холодом, как от полированного мрамора на полу.

– Дорогие мои. – Она взяла их под руки. – Идемте, хочу представить вас кое-кому. Очень важные персоны.

Они послушно двинулись за ней. Жанна подвела их к компании гостей. Кира поймала на себе оценивающие взгляды. Особенно от женщины в безвкусном розовом платье. Рядом с ней стоял мужчина, похожий на поросенка: лоснящаяся жиром кожа, маленькие глазки и чуть вздернутый нос. Его взгляд масляно блуждал по разрезу ее платья и похотливо поднимался вверх.

– Кира, Гаяр, познакомьтесь, это Марина Львовна и Эдуард Борисович Панковы.

– Мы знакомы, – кивнул Гаяр и протянул руку.

– У вас очаровательная супруга, – оскалился Панков.

Компания продолжила о чем-то разговаривать. Гаяр ненадолго оставил их. Кира утонула в своих мыслях, пока приторно сладкий голос Жанны не выдернул ее в реальность.

– Кирочка, мы тут с гостями обсуждаем, как быстро растут дети. А вы с Гаяром еще не ждете пополнения?

Несколько голов повернулись к ней.

– Прости?! – ее щеки моментально вспыхнули.

Гаяр словно почувствовал и мигом оказался рядом, приобняв ее за талию.

– Семья – не график и не бизнес-план, – жестко осадил он.

– Конечно, конечно, – парировала Жанна. – Я просто так спросила, к слову пришлось. Все-таки два года женаты... А нам так хочется понянчить внуков. Я права, Динара?

Та, услышав свое имя, тут же вскочила и подошла.

– Ты права, Жанна, – раздраженно сказала Динара Ринатовна. – Мы с Азатом уже не молоды. Гаяр наш единственный сын. Хотелось бы уже понянчить внуков.

– Мама, не начинай.

– Но, сынок, время-то идет! Два года – немалый срок. И если есть проблемы, их надо решать. Возможно, даже кардинально.

Волна жара прокатилась по лицу Киры. Гости затихли, кто-то даже кашлянул, привлеченный назревающим скандалом. Кира медленно повернулась к свекрови.

– Я бы попросила, Динара Ринатовна, не обсуждать личное на публике, – рыкнула она, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться ногтями в пухлые щеки.

– Мама, все, что касается детей, – наше с Кирой дело! – рявкнул Гаяр.

Кира сжала кулаки, развернулась и направилась к выходу. Гаяр поспешил за ней.

– О, ну что вы, это же обычные родительские вопросы… Не злитесь. Давайте лучше выпьем за молодых! – крикнула Жанна, поднимая бокал.

Выйдя на террасу, Кира вцепилась в холодный металл перил. Слезы пришли сами. Тихие, горькие, поток которых не остановить.

Она плакала не от обиды, а от того, что не могла сказать вслух. О чем боялась думать. Когда их отношения с Гаяром наладились, ей казалось, что беременность придет сама собой. Она мечтала о малыше. Даже когда считала мужа чужим.

– Кира, родная. – Гаяр подошел и прижал ее к себе. – Не стоит.

Она повернулась и уткнулась лицом в его плечо.

– Гаяр, я так хочу малыша, – глухо всхлипнула Кира.

– Неужели? – Он погладил ее по рыжим кудрям. – Мне казалось, что...

– Ты ошибся, – перебила она. – Я всегда хотела. Даже когда...

– Я думал наоборот.

– Ну и дурак, – сквозь всхлипы прошептала Кира. – Иначе бы не ходила по врачам, как маньяк.

– У нас еще все впереди.

– Думаешь?

– Уверен, – Гаяр улыбнулся. – А если не получится, закажем через интернет.

– Дурак...

– Твой дурак. А дураки не сдаются.

Она вдыхала аромат бергамота и розового перца и пыталась успокоиться. За стеклянными дверями играла музыка. Гости веселились, поглощая вкусные угощения, запивая их дорогим алкоголем.

Но на террасе стояли только они вдвоем, тесно прижавшись друг к другу. Стояли так долго, глядя на звезды, и Кира думала, что, наверное, никогда еще не была так близка к тому,

чтобы поверить: все будет хорошо. Не завтра, не послезавтра, но когда-нибудь – обязательно. Потому что Гаяр рядом.

Глава 6

Родители Гаяра уехали, как планировали. Кира наконец выдохнула. Если Азат Шарифович совсем не напрягал ее, то рядом с Динарой Ринатовной в последние дни становилось слишком душно. Особенно после сцены на приеме у отца.

Алла тоже выдохнула: ей доставалось больше всех. Свекровь постоянно объясняла, как лучше вести хозяйство, заправлять постели и накрывать на стол.

В день отъезда родителей Кира сослалась на плохое самочувствие и вежливо помахала им из окна. Серебристый «Лексус» выехал за ворота. Она довольно улыбнулась и спустилась в гостиную. Блум тут же бросился ей в ноги и молотил хвостом в разные стороны.

– Да, я вижу, ты тоже рад, – улыбнулась она, поглаживая его по золотистой голове.

В прихожей хлопнула входная дверь. Через минуту показался Гаяр. Он удивленно посмотрел на нее.

– Я вижу, тебе лучше?

– Значительно, – Кира подмигнула ему. – Прямо дышать легче стало.

– Ну ты и лиса! Я так и знал, что это хитроумный план. Ночью ты прекрасно себя чувствовала.

– Ты не злишься? – Она подошла и чмокнула его в щеку.

– Учитывая твои неприлично короткие шорты, притвориться больной – хорошая идея, – улыбнулся Гаяр и ущипнул ее за ягодицу.

– Я бы попросила вас, Гаяр Азатович. Что за вольности вне спальни?! – Кира так натурально спародировала голос свекрови, что они оба засмеялись.

– Не хочешь сходить поплавать?

– Хочу. Только мне надо переодеться. Если бы кое-кто не построил бассейн с панорамными окнами, можно было бы устроить голышковый заплыв. Но, увы, – Кира уже поставила ногу на ступеньку.

– Опять я в чем-то виноват, – пробубнил он.

– Ты всегда виноват. Смирись, – кинула она через плечо и побежала наверх.

– Беги, беги, Сафина. Я отомщу тебе в бассейне.

– Ага, – донеслось сверху.

Он не торопясь вошел в спальню. Кира что-то мурлыкала в ванной и переодевалась. Через пару минут дверь ванной тихо приоткрылась.

– Закрой глаза, – сказала она, но не выходила.

– Что?

– Закрой глаза.

– Закрыл.

Кира вышла, шлепая босыми ступнями по паркету.

– Открывай.

Гаяр шумно выдохнул. На ней был купальник – если это вообще можно назвать купальником. Тонкие бретельки, почти невесомые, глубокий вырез, едва скрывающий грудь. Ткань, напоминавшая кружево, плотно облегала фигуру, оставляя открытыми почти всю спину и бока.

– Ты... – Гаяр сглотнул. – Где ты это взяла?

– Не поверишь... В магазине, – она повернулась, демонстрируя открытые ягодицы и спину.

– Почему я не видел его раньше?

– Ты прикинь, что бы было с твоей мамой, если бы она его увидела? Расстрел на месте. Казнить нельзя помиловать. Запятую сам ставь, где хочешь, – засмеялась Кира.

Он подошел ближе и провел пальцами по ее спине. Она почувствовала, как по позвоночнику побежали мурашки.

– Если мы сейчас же не пойдем в бассейн, – прошептал он ей в плечо, – то мы вообще до утра не выйдем из спальни.

– Надевай плавки и догоняй, – сказала Кира и, прежде чем он опомнился, выскочила из комнаты.

В бассейне было тепло, влажно и чуть пахло хлоркой. Огромные окна от пола до потолка выходили в темнеющий сад – там уже зажглись фонари, и их свет отражался золотистыми бликами на стеклах.

Кира стояла на бортике, не решаясь нырнуть. Потом присела и опустила ноги в воду. Гаяр с разбегу прыгнул, обдавая ее брызгами.

– Ах ты! – завизжала она.

– Иди-ка сюда, – он подплыл ближе, подхватил ее и затащил в воду.

Кира закричала еще громче, но не от холода, а от неожиданности. Купальник, промокнув, стал еще прозрачнее.

– Почему ты так странно смотришь на меня? – спросила она, повиснув на его шее.

– Не могу наглядеться.

Он поцеловал ее – долго, жадно, не обращая внимания на то, что вода качала их, сдвигая с места. Кира отвечала, запустив пальцы в его мокрые волосы.

– Уйдем отсюда? – прошептал он, отрываясь от ее губ.

– С ума сошел? Мы только пришли! – Она оттолкнула его и поплыла к противоположному бортику. – Кто первый?!

Гаяр быстро догнал ее, ухватил за щиколотку и притянул к себе. Они долго целовались, пока не стало жарко. Потом просто плавали и дурачились. Кира пыталась окунуть его с головой, но он ловко перехватил ее за талию и принялся щекотать. Она хохотала так громко, что, казалось, ее слышал весь коттеджный поселок.

– Тише ты, – шикнул Гаяр. – Всех разбудишь.

– К черту всех, – она прекратила смеяться и показала язык.

Он приподнял ее и посадил на бортик. Она обхватила его ногами, а он стоял и просто смотрел влюбленными глазами.

– Я люблю тебя, – сказал Гаяр.

– Я знаю, – Кира провела пальцем по его губам. – Я тоже люблю тебя. Так сильно, что порою страшно.

– Почему?

– Потому что боюсь потерять.

– Не потеряешь, – он поцеловал ее колено. – Никогда.

Она сползла обратно, прижалась к нему, уткнулась лицом в плечо. Так они стояли долго, пока не замерзли. Отогревались в сауне.

Кира откинулась на реечную спинку сиденья и закрыла глаза. Гаяр поглаживал ее по влажному бедру и довольно улыбался.

Вышли из бассейна далеко за полночь. Кира едва передвигала ноги от усталости. Приятное тепло разливалось по всему телу, делая каждое движение ленивым и тягучим. Гаяр обнял ее за плечи, и они медленно побрели наверх, оставляя за собой мокрые следы.

– Я голодная, – объявила она, едва только они переступили порог спальни.

– Алла спит, – напомнил он.

– Я знаю, – Кира подтолкнула его к двери. – Сходи, пожалуйста, на кухню, принеси чего-нибудь перекусить.

– Ты меня эксплуатируешь, – притворно возмутился Гаяр.

– Конечно! Ты же мой муж, а значит – кормилец семьи. Твоя святая обязанность кормить жену. – Она рухнула на кровать, раскинув руки, и посмотрела на него капризным, но счастливым взглядом. – Кушать!

Гаяр вздохнул и побрел вниз. Вернулся через десять минут с огромным подносом: салат, фрукты, бутылка шампанского и два бокала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.